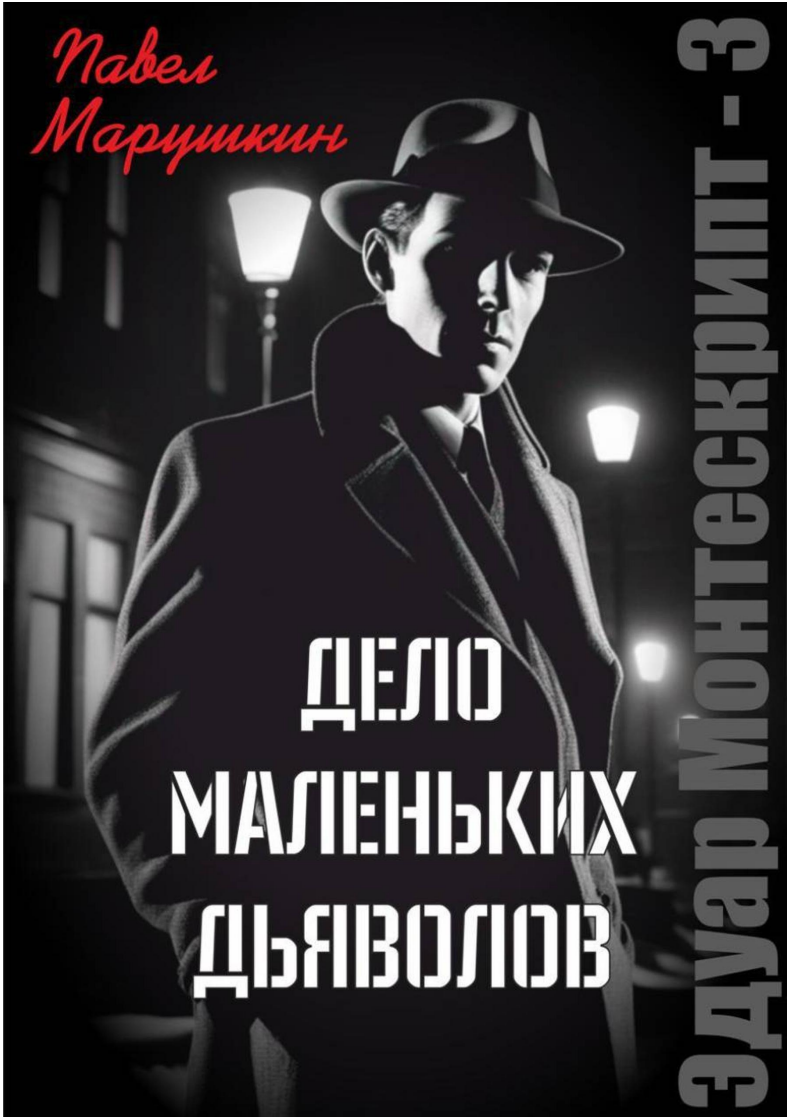
Павел Марушкин
ДЕЛО МАЛЕНЬКИХ ДЬЯВОЛОВ
Эдуар Монтескрипт - 3

Павел Марушкин
Дело маленьких дьяволов

https://litres.ru/75050003
SelfPub; 2026

Аннотация

Позвольте представиться: Эдуар Монтескрипт. Когда-то это имя было на слуху: ещё бы, местная знаменитость - частый детектив, да к тому же - человек, и при этом - лучший знаток мира разумных амфибий! Но всё это в прошлом. Сейчас я - лишь тень; бродяга, ничем не лучше местных оборванцев. И всё же я вернулся в Амфитриту, столицу амфибийного королевства; потому что у каждого есть долги, которые необходимо отдать. А теперь есть и дело - самое странное из моих дел: без заказчика, гонорара и четкого понимания того, что же от меня требуется. И, как вскоре выяснилось - без возможности отказаться...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 126

Павел Марушкин
Дело маленьких дьяволов

Дело маленьких дьяволов

– Они нарушили Закон, – сказал я, наступив ногой на тело глашатая

Закона. – И были убиты. Даже сам глашатай Закона; даже второй с хлыстом.

Закон велик! Приблизьтесь и смотрите.

– Нет спасения, – сказал один из них, приближаясь и поглядывая на меня.

– Нет спасения, – сказал я. – Поэтому слушайте и повинуйтесь.

Герберт Уэллс. Остров доктора Моро

Глава 1. Вода и огонь

Всему на свете рано или поздно приходит конец – в том числе и ясной погоде… Распорядитель похорон то и дело бросал тревожные взгляды на небо. Солнце покуда жарило вовсю, но на город быстро наползали плотные, с просинью, клубящиеся тучи. Скоро они закроют ослепительный диск, и хлынет ливень; а именно сейчас благословенная влага небес

не слишком уместна. Досадно!

Старая вера фрогов весьма изобретательна по части похоронных обрядов. Честного работягу, крестьянина или ремесленника примет в себя земля: ведь их трудами приумножалось её богатство. Рыбак обретет покой на речном берегу, под шелестящими камышами. Знатной персоне к лицу прохладный семейный склеп, ну а бродягам и душегубам – тем, без лишних церемоний, прямая дорога в болото, под толстый ковёр мхов и гниющих водорослей.

Но сегодняшний мертвец не относился ни к одной из перечисленных категорий. Подполковник Тыгуа был воином и учителем воинов – а значит, тело его можно было доверить лишь буйному пламени погребального костра.

Я наблюдал за обрядом со стороны, загодя подыскав себе местечко в тени высокого надгробия: этакий живописный клошар, облаченный в обноски местного армейского камуфляжа, выгоревшего на солнце и не единожды заштопанного. Довершала образ неряшливая широкополая шляпа, сплетенная из тростника: я соорудил её по пути в столицу. Если не двигаться, никто из процессии меня даже не заметит… В крайнем случае, примут за кладбищенского попрошайку: внешность моя вполне соответствует этому незавидному статусу.

Говоря по совести, конечно, мне бы сейчас полагалось стоять там, среди провожавших, причем в куда более презентабельном виде. В конце концов, Тыгуа был не просто дру-

гом и учителем. Старый вояка и мастер боевых искусств во многом заменил мне отца… Существовала только одна маленькая загвоздка. Я принадлежал к иному биологическому виду, чем все присутствующие; да и о том, что наставник некогда принял в ученики человеческого мальчишку, знало слишком много народу… Выйти туда сейчас – значит привлечь всеобщее внимание: я бы слишком выделялся на фоне ребят, больше всего похожих на прямоходящих древесных лягушек. Думаю, будь Тыгуа жив – он как следует отчитал бы меня за одно только намерение. И был бы прав: я сильно подозревал, что в эту толпу затесалась парочка наемных убийц.

Четверо фрогов несли на плечах скорбную ношу. Вес немалый, но это были крепкие, жилистые ребята – и при том обладающие на редкость незапоминающейся внешностью… Диверсанты. Или военная разведка – в своё время Тыгуа тренировал и тех, и других. Вообще, народу было куда меньше, чем я ожидал. Таковы уж мы, разумные существа – фроги, люди, неважно… Впрочем, тут всё дело во внутренней потребности. Мёртвым, как водится, ничего уже не нужно.

Носилки водрузили на каменный алтарь, поверх вязанок хвороста. Запеленатое в полосы плотной ткани тело казалось неестественно пухлым. Проклятая жара… Двое служителей притащили здоровенные медные кувшины. Я знал, что в них: светильное масло, настоянное на пыльце мау-курру, «дерева мертвецов». Эта штука меняет цвет пламени на зеленова-

то-голубой: считается, что подобный огонь угоден обитателям загробного мира. Бинты потемнели, моментально пропитавшись горючей жидкостью. Распорядитель шагнул вперед: сейчас, по протоколу, ему полагалось огласить последнюю волю покойного.

– …Находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю: коллекцию холодного и огнестрельного оружия передать в собственность кадетского корпуса Королевского Военно-воздушного флота, за исключением боеприпасов и взрывчатых веществ, представляющих угрозу для жизни и здоровья, а также предметов, особо оговоренных в примечании…

Всевозможных штуковин, предназначенных для умерщвления себе подобных, в хозяйстве Тыгуа наверняка скопилось немало. Насколько я знал, учитель не покидал своей хижины на болотах, не вооружившись как следует, да и дома у него под рукой всегда был целый арсенал. Специфика профессии… Вряд ли его привычки сильно изменились за то время, что я отсутствовал.

– …Сам же дом, вкупе с содержащейся в нём мебелью, а равно и прочим имуществом, переходит в полную и безраздельную собственность гражданина Королевства Эдуара Монтескрипта, о чем подготовлены соответствующие документы…

И вот тут я не выдержал и поперхнулся. Хорошо ещё, что моё убежище находилось на достаточном расстоянии от со-

бравшихся… Никак не ожидал услышать собственное имя, тем более в подобном контексте! Тыгуа удивил-таки своего ученика напоследок…

М-да, удивил – это ещё мягко сказано! Проклятый «подарочек» был, по сути, грандиозной подставой. Вообще-то, считалось, что я уже два года как мертв. По крайней мере, мои документы нашли по весне на трупе какого-то бедолаги-туриста, выловленном в одном из столичных каналов – вместе с пустой бутылкой из-под рома, пистолетом и угнанной машиной до кучи. Весьма красноречивый набор, согласитесь: картину произошедшего можно нарисовать сразу. О, не сомневаюсь: Тыгуа вряд ли на это купился: уж кто-кто, а он знал своего ученика… Не говоря уже обо всём остальном.

Итак, учитель прекрасно понимал, зачем мне понадобилось бежать из столицы, спешно инсценировав собственный бесславный конец. Выходка, кстати, была вполне в его духе: старый вояка обожал подобные фокусы, и с удовольствием подыграл бы мне, стоило только попросить… Но что заставило его поступить подобным образом – фактически объявить меня живым, да ещё при таком скоплении народа?

Распорядитель дочитал завещание и отошел в сторону, обмахивая пятнистую, как у всех фрогов, физиономию папкой с бумагами. К алтарю подступил жрец Старой веры с факелом в руках. Обычно эти ребята зачитывают отрывок какого-нибудь священного текста, или поют литургию, или ещё что-нибудь в таком духе – в зависимости от своей конфесси-

ональной принадлежности. На сей раз, однако, обошлось – должно быть, всё дело было в надвигавшейся грозе. Пробормотав нечто высокопарное, клирик дотронулся полыхающей паклей до пропитанных светильным маслом бинтов. Пламя, немного похожее на спиртовое, расползлось по носилкам. Народ зашевелился, придвинулся ближе: наступил тот момент, когда в огонь положено бросать маленькие свертки с пряностями и кулоны, вырезанные из ароматной древесины – в качестве прощального дара покойному, и чтобы умилостивить князей преисподней. У нас, в королевстве Пацифида, подобные традиции блюдутся свято… Но кое-кто, по-видимому, решил, что на сей раз всё должно быть иначе.

Похоронный костер внезапно поменял цвет. В его сердцевине развернулась ослепительно-белая пламенная хризантема, похожая на маленькое солнце – и принялась стремительно набирать силу, плюясь длинными искрами и шипя, словно сотня рассерженных змей. Толпа отшатнулась, разразившись возгласами, полными страха и изумления. Жрец выронил факел и бросился прочь, на ходу охлопывая себя перепончатыми ладонями: богатое облачение на нём дымилось.

Происходящее легко могло показаться чем-то сверхъестественным – но только тому, кто ни разу в жизни не видел, как срабатывают термитные шашки. Теперь необычная пухлость покойного сделалась понятна. Я поискал глазами тех фрогов, что тащили носилки – но, как и следовало ожидать, их уже и след простыл. Выполнили (я не сомневался в этом)

последнюю волю своего наставника и исчезли – в лучших традициях королевского спецназа…

Яростное пламя в считанные секунды пожрало и тело, и носилки, и дрова, раскалив поверхность алтарного камня до вишневого свечения. Стоять рядом было просто невозможно: от жара темнели и сворачивались листья растущих вокруг деревьев…

Сомнительная шутка удалась на славу. Шокированная публика начала расходиться, оживленно обмениваясь впечатлениями. Громыхнуло уже над самой головой, но я не двинулся с места, продолжая наблюдать. На особом подозрении у меня была компания Скрывающих Облик: фроги из этой секты носят большие и довольно уродливые маски, скорее даже – глухие шлемы с прорезями для глаз и рта. Тыгуа был дружен с их настоятелем, однако сектанты вполне могли оказаться насквозь фальшивыми. Проверять на собственной шкуре остроту их мачете что-то не хотелось… Но эта группа тоже не стала задерживаться.

Наконец, кладбище опустело. Хлынул ливень. Со стороны алтаря раздался громкий треск, и раскаленный камень окутали густые клубы пара.

– Счастливого пути, учитель! – прошептал я.

Да. Я тоже сентиментален в глубине души – просто не всегда могу позволить себе подобную роскошь. Когда за твою голову назначена награда, начинаешь смотреть на мир немного по-другому: и главное, и второстепенное проступа-

ет гораздо четче. Тыгуа хорошо понимал такие вещи… А мне теперь предстояло расшифровать оставленное им послание.

В том, что сухие строчки завещания имеют двойное дно, я даже не сомневался. Старый вояка слишком хорошо знал своего ученика; знал и то, что объявляя меня живым, фактически, ставит под удар… Не из банальной же вредности – он всегда был выше подобного! Значит… Значит, была некая причина. Важная настолько, что он позволил себе бесцеремонное вмешательство в мою судьбу.

Допустим, у него было нечто… Некое дело. Вполне возможно, он понял, что не успеет его завершить: если верить газетам, последние дни своей жизни Тыгуа провел на больничной койке… Но почему он выбрал именно меня? К его услугам были весьма серьёзные ребята: одна прощальная выходка с термитом чего стоила! Это ведь надо умудриться организовать… Выходит, ему нужны были совершенно особенные таланты. Таланты сыщика.

Вообще-то, я частный детектив; по крайней мере, считался таковым ещё пару лет назад, до того, как вынужден был покинуть столицу амфибийного королевства. Я человек, но рожденный в этом мире – и понимаю коренных обитателей, фрогов, гораздо лучше большинства иммигрантов с моей «исторической родины». Это во многом предопределило выбор профессии… И ещё, конечно, любовь к загадкам. Мне всегда нравилось складывать мозаику фактов – и приходить

к выводам, зачастую весьма неожиданным для меня самого. Со временем я приобрел определенную репутацию; этому способствовало и несколько успешно распутанных хитроумных дел, и знакомства среди газетчиков – не знаю уж, что тут важнее…Можно сказать, я сделался своего рода столичной достопримечательностью.

Но всё это в прошлом, увы. Два года – немалый срок; особенно, если твоя профессия подразумевает непрерывно держать руку на пульсе столичной жизни. Утеряны связи, знакомства, что-то подзабылось, да и случилась с тех пор целая уйма всякого; фактически, я стал чужаком в родном городе. Осталась лишь наблюдательность и умение разгадывать житейские ребусы…

Должно быть, Тыгуа посчитал, что этого будет достаточно. Что ж… Я в любом случае выполнил бы его волю. Учитель слишком многое для меня сделал, чтобы я мог вот так взять и отмахнуться. Оставалось понять, чего же именно он от меня хотел.

– Обычно ко мне приходят с готовыми проблемами, – проворчал я. – Искать их самому – это что-то новенькое!

Но, по крайней мере, я знаю, с чего начать. Самое время вступить в права наследования де-факто. Ещё раз оглядевшись по сторонам, я поднялся на ноги. Одежда давно уже промокла до нитки, но я не сильно переживал по этому поводу – замечательная местная ткань высохнет моментально, стоит лишь прекратиться дождю... Впрочем, в моих инте-

ресах, чтобы он не кончался как можно дольше: видимость в такой ливень оставляет желать лучшего. Да здравствует скрытность! А змеящиеся по телу струйки можно и потерпеть. В конце концов, я уроженец Амфитриты, столицы королевства амфибий!

***

Морфи уныло шлёпал по лужам. В животе бурчало от голода. Он нарочно сделал изрядный крюк по заболоченным пустырям, обходя территорию, подконтрольную одной из местных уличных банд. Попадаться совсем не хотелось. Здесь, в Весёлых Топях, любой одинокий прохожий являлся потенциальной жертвой – если только не выглядел достаточно круто, чтобы мелкие хищники сами обходили его стороной. Конечно, Морфи вполне мог надрать задницу одному и даже парочке маленьких дьяволят; но повстречаться с отвязной шайкой в десяток голов – себе дороже… Поиздеваются вволю и оберут догола – это, считай, повезло. Могут ведь и ножиком полоснуть – просто забавы ради.

Да, такова жизнь… В карманах гуляет ветер, в брюхе бурчит от голода – а ведь сегодня, как ни крути, его очередь принести домой хоть какой-нибудь снеди! Папа будет очень недоволен…

При мысли об этом Морфи тяжело вздохнул. Папа Ориджаба правил своим пестрым семейством твердой рукой; оспорить его авторитет никому и в голову не приходило. Раз

сказано – «добудь поесть», то хоть наизнанку вывернись, а сделай… Ну что за непруха! В воображении Морфи возникла связка сушеных моллюсков, виденная им не далее, как час назад. Сорвал бы у той старухи с прилавка, и дёру! Уж всяко лучше, чем с пустыми руками заявиться. Папа Ориджаба редко прибегал к рукоприкладству, но умел повернуть дело так, что ты начинал чувствовать себя полнейшим ничтожеством… Вот Гас – уж он-то не пришел бы с пустыми руками!

Гас был младше Морфи на год, а с виду – так и на все три; но даже задиристый Роффл, старший из «братьев», признавал, что ума хилятику-фрогги не занимать. Гас не поперся бы туда, где пятна на твоей физиономии успели примелькаться каждой торговке! Нашел бы себе тихое местечко на берегу и забросил бы удочку… Благодать! Никто не норовит дать пинка, а то и переломать шаловливые пальцы, ненароком забравшиеся в чужой карман. И вернулся бы уже к полудню, с тяжеленькой низкой рыбин – в самый раз на густую, ароматную похлёбку... А главное – никакого риска! Конечно, Папа Ориджаба не слишком одобрял подобные наклонности. Ты должен учиться ремеслу, сынок, любил говаривать он. Настоящая твоя рыбка плавает не в воде, а в карманах расфуфыренных дурней. Ловкие руки – вот лучшая удочка, и поверь, у шустрого малого вроде тебя тут большие перспективы! Впрочем, принесенный Гасом улов Папа уплетал за обе щеки – как и все они…

А ведь этот мелкий хитрюга всегда поступал по-своему,

внезапно подумалось Морфи. Не ныл, не пытался оправдаться, и уж, конечно, не пререкался с Папой – но раз за разом умудрялся не делать того, чего не хотел. Вот бы и ему так же…

Он опять вздохнул. Ага, сейчас! Размечтался… Уж его-то неприятности стороной не обходят, какое там – если где-то впереди и поджидает зловонная куча, можно не гадать, кто из «семейства» Ориджаба вляпается в неё по самые уши. Всю жизнь такое невезение! Приходится держать ухо востро и смотреть по сторонам, да толку-то… С этими мыслями Морфи толкнул скрипучую дверь хижины.

– Пожрать принес? – угрюмо осведомился Роффл.

Старший «братец», в одной набедренной повязке, с недовольным видом развалился на рваном матрасе, брошенном прямо на земляной пол. Кругом валялись перепачканные кровью тряпки, а на мускулистом бедре Роффла сочился свежий порез.

– Ого! Кто это тебя так?

– Не твоё дело!

– Попался докерским, – охотно поделилась «сестрица» Олури, ловко обрабатывая рану вонючей дегтярной мазью. – Предупреждали же – в порт не суйся, там своя шайка орудует…

– Ну ты уж им, наверное, тоже врезал как надо? – неумело подольстился Морфи.

– Врезал, врезал… Так что насчет харчей, а? Помнится,

сегодня твоя очередь! – сбить Роффла с толку было не так просто. – Что, опять пустой?

– Пиксин увел где-то мешок сушеных дафний, – заявила Олури. – Татти варит похлёбку. Голодными не останемся, успокойся.

– Мы-то не останемся, – фыркнул Роффл. – А этот дармоед…

– Не тебе решать, а Папе. Сам, что ли, много принес, а? – «сестрица» за словом в карман не лезла. – Давай, переворачивайся, спину ещё надо намазать.

Роффл безропотно перевалился на живот, коротко зашипев от боли. Эге, а «братца»-то и впрямь нехило расписали, сообразил Морфи. Что ж, нет худа без добра: пока раны не заживут, тумаков будет поменьше.

– Дети мои! – рявкнул из-за соломенной занавески Папа Ориджаба. – А ну, давайте сюда! Роффл, Морфи! Гас! Где этот бездельник? Пиксин, сынок, будь ласков, найди Гаса и скажи, пусть тащит свою задницу сюда поскорее.

Пронырливый Пиксин, которого в семействе Ориджаба частенько звали не иначе как «гаденыш», проскользнул мимо «братьев», скроив насмешливую гримасу. Роффл привстал было отвесить ему пинка, но тут же раздумал. Морфи, втянув голову в плечи, проследовал на зов.

Глава клана восседал в большущей бочке, по грудь в тёплой водице. Как и все фроги, он обожал влагу. Такой роскоши в «семействе» ни у кого больше не было. Захочешь осве-

житься жаркой летней ночью – вставай и тащись к ближайшему каналу, либо терпи… Наполнять бочку вменялось в обязанность Роффлу, как самому сильному; но он всегда норовил спихнуть это на кого-нибудь из младших «братьев».

– Садитесь, дети мои. Садитесь и ешьте. Татти, налей им супу, – Папа Ориджаба широко улыбнулся и приглашающе помавал изуродованной правой рукой.

Всё это было настолько непохоже на заведенный порядок вещей, что Морфи вытаращил глаза. Как так – никаких тебе расспросов, где был да что принес, никаких упреков, да ещё похлёбки «сестрица» Татти плеснула, что называется, от пуза! Впрочем, изумление не помешало ему быстро придвинуть к себе щербатую глиняную миску, исходящую ароматным паром. В Весёлых Топях никого не приходилось звать к столу дважды.

Похлёбка – настоящая, густая, почти как каша, щедро сдобренная пряными корешками и водорослями, наполняла желудок, отзываясь по телу благодарным теплом. Папа так и не вылез из бочки – должно быть, успел подхарчиться раньше. Достав откуда-то из глубин своего обиталища стеклянную фляжку с мутноватой жидкостью и критически глянув её на просвет, он откупорил пробку и приложился к горлышку.

– Сегодня только это, Папа… – возникший из-за занавески Гас переминался с ноги на ногу, весьма правдоподобно изображая смущение. Ладони его мяли рыбацкую куртку,

настолько ветхую, что, казалось, она состоит из одних дыр и заплаток. – Можно будет обменять тряпичникам на что-нибудь…

Морфи усмехнулся про себя. Эту рвань он уже видел у «братца» дней пять тому назад. Выходит, умнику сегодня тоже не подфартило. Но каков хитрец! Вроде и дрянь притащил, а всё одно не с пустыми руками. Надо бы запомнить трюк; мало ли, вдруг…

– Брось ты эту гадость, сынок. Садись, поешь.

Папа Ориджаба снова поверг Морфи в изумление. Нет, определенно, что-то большое на болоте сдохло, как любил выражаться «братец» Роффл. Гас, конечно, тоже удивился; но спрашивать ни о чем не стал. Оно и понятно: похлёбка есть похлёбка, это вещь по-настоящему важная, а всё остальное может и подождать.

– Ну ладно, дети мои, – заявил Папа Ориджаба, когда щербатые миски показали дно, а животы мальчишек налились восхитительной тяжестью. – Настала пора нам серьёзно обсудить кое-что.

Слегка размякший от блаженной сытости Морфи выпрямил спину и старательно изобразил на физиономии внимание. Ага, стало быть, сегодняшний ужин – не просто так. Сейчас Папа что-нибудь потребует от них взамен. Мог бы и догадаться…

Глава клана Ориджаба облокотился о край бочки и обвел присутствующих внимательным взглядом. Морфи даже ста-

ло малость не по себе.

– Я тут многому вас научил, – негромко начал Папа. – Так ведь? А вот какой урок, по-вашему, был самым главным? Ну, Роф?

Роффл заёрзал на колченогом табурете.

– Это самое… Кругом полно дураков с набитыми карманами…

Папа поморщился: не то.

– Морфи?

– Осторожность. Задумал дельце – сразу прикинь: стоит барыш риска или нет, – Морфи думал недолго: изуродованная рука Папы маячила прямо перед его глазами.

Историю этого увечья они все тысячу раз слышали…

– Ближе, но не то. Гас?

– Ты всегда говорил, Папа: не упусти свою удачу…

– В самую точку! – Папа Ориджаба шевельнулся, вода плеснула через край бочки на земляной пол. – Шанс, дети мои. Это же величайшая удача на свете – если жизнь дарит тебе шанс. Когда-то я дал его каждому из вас. Приютил, сделал одним из членов семьи. И вот теперь у нас появился ещё один. У всех нас. Шанс урвать столько, чтобы выбраться из этой гнусной дыры, и не рисковать каждый день из-за каких-то жалких медяков. Да что там, мы все сможем начать шикарную жизнь! – тут Папа поднялся во весь рост в своей бочке и отчеканил:

– Большой куш, дети мои. Вот что нам светит.

Большой куш! Эта тема в Весёлых Топях являлась неиссякаемой. С кем бы ни свела тебя судьба, рано или поздно любой разговор сворачивал на тему шальных денег. Истории о рисковых парнях, а порой – и об отчаянных девчонках, поставивших на кон всё и сорвавших-таки банк, были, наверное, самыми популярными, соперничая у здешних обитателей с мрачноватыми легендами Старой Веры.

– Сколько? – зачарованно прошептал Морфи.

– А это, сколько *мы* захотим, – ответил Папа Ориджаба, с самодовольной ухмылкой опускаясь обратно в бочку. – Сколько *мы* кой за кого попросим, сынок, вот в чем соль! Разумеется, – буднично добавил он, – риск велик.

– Насколько велик? – насторожился вдруг Гас.

– Если дело обернется скверно – нам крышка, без вариантов! – сурово отрезал глава семейства. – Закатают под мох, глазом моргнуть не успеешь. А ты как думал?! – Папа Ориджаба вроде даже рассердился немного. – В таких раскладах по-другому не бывает! И вот что я вам скажу, дети мои: либо мы тут все заодно, либо и начинать не стоит. Только учтите: второго такого шанса больше не выпадет. Тогда вам одна дорожка, до старости по карманам шарить, да и то – если пальцы в целости сохраните…

– Я в деле! – тут же заявил Роффл и злобно уставился на «братьев»: мол, попробуйте только отказаться!

– Я тоже! – поспешно сказал Морфи.

Гас помедлил, но все же ответил:

– И я.

Папа посмотрел на «сестер».

– Всегда мечтала вырваться из этой дыры! – с горячностью заявила красотка Татти.

– И не ты одна! – поддержала её Олури.

Мнением Пиксина, конечно же, никто и не подумал интересоваться. Ясно как день, что мелкий гаденыш никуда от них не денется.

***

Ливень припустил во весь опор. Я шел напрямик, срезая дорогу где только можно: перемахивал низенькие ограды, продирался сквозь буйно заросшие кустами палисадники, переплывал каналы, напрочь игнорируя перекинутые тут и там изящные мостики – всё равно вымокнуть ещё больше было попросту невозможно. Я любил воду. Жизнь в мире амфибий не допускала ни малейшей гидрофобии: здесь даже спать принято в специальных мелких бассейнах, они есть в каждом мало-мальски приличном жилище… К тому же, последнюю пару лет я провел в путешествиях, не имея порой элементарного, с человеческой точки зрения, комфорта – и не слишком о том сожалея. Бесчисленные реки, озера и болота королевства Пацифида приоткрыли мне множество тайн; отсутствие крыши над головой и мягкой постели, на мой взгляд, вполне адекватная плата за маленькие ежедневные чудеса. Я теперь смотрел на город другими глаза-

ми. Прежний старина Эдуар, крепко вросший в столичную жизнь и, чего уж греха таить, порядком изнеженный, почти исчез… Лишь изредка я позволял ему подать голос из стылого тумана прошлого, да и то лишь затем, чтобы уточнить дорогу.

Доставшаяся мне в наследство недвижимость располагалась на окраине – там, где обширное мелкое озеро со множеством островов, на которых и стояла Амфитрита, переходило в не менее обширное мангровое болото. Тропинка петляла в зарослях здешнего камыша – эти растения были чем-то средним между земными рогозом и бамбуком, образуя настоящие живые стены в несколько метров высотой.

Непосредственно перед свайной хижиной учителя дорога расширялась и переходила в огромную лужу – скорее даже, маленький пруд; его я тоже преодолел вплавь. Когда из занавеси дождевых струй показалось строение, я ненадолго замер, расслабившись и прислушиваясь к своим ощущениям. Опасности не было. Это место дышало покоем и едва ощутимой грустью – как и всякий дом, лишенный хозяев…

С замком пришлось повозиться – механизм был не из сложных, но навыки взломщика я давненько не использовал. Наконец, внутри чуть слышно звякнуло. Я толкнул створку и остановился на пороге, давая глазам привыкнуть к легкому сумраку.

Профессия сыщика предполагает некоторые специфические навыки. Один из постулатов нашего ремесла гласит: об-

ращай самое пристальное внимание на расположение предметов. Оно способно поведать больше, чем показания дюжины свидетелей – ибо разумным существам свойственно лгать даже самим себе. Вещи куда правдивее...

Тыгуа наверняка не был последним, побывавшим здесь. В доме царил порядок, но среди обстановки явственно ощущались некие пустоты – скорее всего, там, где висело или хранилось оружие. Коллекция мачете, мушкеты и пистолеты, копья и всевозможные экзотические штуковины, предназначенные для быстрого и негуманного умерщвления своих ближних – ничего этого не было. Только высокие корзины с деревянным тренировочным оружием и спортивными снарядами. Не хватало и тяжелого, окованного медью сундука – насколько я помнил прошлые визиты, он всегда стоял у дальней стены. В то же время прочая утварь была на своих местах – и ничего не сломано, не разбито… Вообще не тронуто. Похоже, учитель заблаговременно озаботился тем, чтобы переправить опасные предметы по назначению; завещание было всего лишь формальностью… Здесь никто не проводил обыск. Просто забрали часть вещей и ушли. Должно быть, Тыгуа сам упаковал всё, что надо, почувствовав приближение конца…

На всякий случай я пошарил в укромных закутках: осторожно провел рукой по низу столешницы, проделал тот же трюк с немногочисленными стульями, подтянувшись, глянул на потолочные балки... Учитель как-то обмолвился, что за-

стать его дома врасплох будет трудновато, поскольку где бы он ни находился, на расстоянии вытянутой руки всегда окажется какое-нибудь оружие… Пусто. По крайней мере, в тех тайничках, о которых я знал. Что ж, будем считать, так оно всё и было.

Преодолев естественное в данной ситуации смущение, я начал методичный обыск, мысленно извиняясь перед покойным. Увы, мой труд был напрасен. Скажу более: уж если роешься в чьих-то вещах, то поневоле узнаёшь что-нибудь новое о персоне, которой они принадлежали. Крохотные (а бывает, что и наоборот) секреты, мелкие интимные подробности, пикантные или банальные нюансы… Но в случае с Тыгуа это правило не работало. Образ учителя, каким я его помнил, не претерпел никаких изменений. Мастер боевых искусств, наставник, специалист по оружию, знаток и любитель военной истории… Никаких неожиданностей. Разве что книг было несколько меньше, чем во время моего последнего визита – или это только казалось? Впрочем, он вполне мог передать что-то в библиотеки, или просто подарить – круг знакомств у Тыгуа был необычайно велик… И ещё кое-что, внезапно сообразил я. У любого горожанина неизбежно скапливается некоторое количество макулатуры – газеты, документы, письма, визитки... А здесь – лишь стопка чуть тронутых плесенью счетов в ящике стола, служившего одновременно обеденным и письменным. Даже если предположить, что учитель, предчувствуя близкую кончину, навел

в своих бумагах идеальный порядок – всё равно слишком мало.

Пожалуй, придется перешерстить оставшиеся книги, на предмет заложенных посланий или, скажем, надписей на страницах. Не знаю уж, зачем бы Тыгуа прибегать к такому затейливому способу, но проверить всё равно надо…

Я решил сделать перерыв и попить чаю. Разживил крохотную чугунную плиту – Тыгуа почему-то игнорировал современные источники энергии, предпочитая обходиться, по старинке, дровами. В буфете нашлась кубышка заварки и посуда. Тонкий цветочный аромат, исходящий от чая, пробудил воспоминания. Я толкнул дверь, вышел наружу и уселся на край тренировочного помоста, свесив ноги. Ливень уже закончился, и вечернее солнце озаряло болота нежным розоватым сиянием. Сколько чашек мы с Тыгуа вот так осушили, сидя здесь, ведя неторопливые беседы или просто думая каждый о своём…

Последний раз – два года назад, той злосчастной зимой, когда я вынужден был бежать из столицы. Что поделать, враги порой оказываются сильнее. Интересно, счел ли он мой поступок слабостью? «Победа – всегда мираж. Но это не повод сдаваться» – вот его философия… По-своему верно; но это значило постоянно быть начеку. Впрочем, сам Тыгуа именно так и жил – всегда при оружии, в ежесекундной готовности отразить нападение. Даже спать в теплое время предпочитал не в доме, а под ним, на мелководье меж свай

– будучи фрогом, никаких неудобств он от этого не испытывал…

Я замер, не донеся чашку до рта. Пространство под хижиной было, по сути, спальней Тыгуа – а ведь я вспомнил об этом совершенно случайно! Хорош сыщик… Что ж, надо снова лезть в воду. Но сперва я допью чай. Грех это – дать остынуть такому замечательному напитку.

Глава 2. Бредни старого генерала.

– Не нравится мне расклад, Морфи. Помяни моё слово, пройдет совсем немного времени, и все мы окажемся по уши в дерьме.

Морфи недоуменно покосился на «братца» – с чего вдруг тот раскис?

– Да ну, брось! Стал бы Папа связываться с гнильём! Ты ж его знаешь, второго такого прошаренного фрога ещё поискать…

– То-то и оно, что не знаю, – буркнул Гас. – Одно дело – постоянно талдычить другим об осторожности, а другое... Вот будь он таким предусмотрительным, ходил бы с двумя целыми руками, а?

– А ты *ему* это скажи! – подколол Морфи; Гас только фыркнул в ответ.

Они сидели на берегу заболоченного канала, в том месте, где колючие кусты разрослись особенно буйно, устроившись

на крохотном пятачке крошащейся от старости кирпичной набережной. Не слишком-то удобное место: острые шипы так и норовят ужалить в спину; но по этой же причине – безопасное. Здесь, в Весёлых Топях, всегда следовало думать о том, чтобы никто не мог подобраться к тебе незамеченным.

– Да брось, должно же и нам когда-нибудь подфартить покрупному! – Морфи даже не замечал, что убеждает не столько Гаса, сколько себя самого. – Жаль только, темнит Папа, что да как…

– Темнит, говоришь… – задумчиво протянул «братец». – Не знаю, не знаю… По мне, так куда уж яснее-то.

Морфи почувствовал легкий укол зависти. Опять этот умник его обскакал! Пауза затягивалась. Гас, похоже, целиком ушел в свои мысли – уставился на заросшую ряской воду канала и замер.

– Ну?! – не выдержал, наконец, Морфи. – Знаешь, так говори! И нечего из себя тут строить…

– Ну подумай хоть раз своей головой. Ты же сам спросил его, мол, сколько на этом деле взять можно? Что он ответил, помнишь?

– Ну… Что-то вроде того, сколько сможем унести… Много, короче.

– Удивительные вы фроги – что ты, что Роффл, – тихонько вздохнул Гас. – Вам говорят одно, а вы слышите другое… Чего сами себе напридумывали. Выкуп, вот что он задумал! Ну, теперь понял?

– Выкуп?! Типа, мы стыбзим что-то ценное, а потом получим за это денег?

– Ага. Именно что получим. Только не денег, а много другого разного… И не «что-то», а «кого-то». Чуешь разницу, братец?

– Так это же… Похищение?! – у Морфи от удивления отвисла челюсть.

– Вот именно, – угрюмо отозвался Гас. – Не знаю уж, на кого там Папа нацелился, да только нам такое не потянуть. Мы уличные воришки, не более. Ты, я, Пиксин, даже дубина Роф, хоть он и любит корчить из себя крутого. Этому нас учил Папа. Да и сам он всего лишь карманник… Бывший. Помяни моё слово, наша компания скоро облажается по полной.

– Почему же ты тогда согласился? – только и нашелся спросить Морфи. Гас невесело ухмыльнулся.

– А что, думаешь, у меня был выбор?

***

Вода тонкими струйками растекалась по столешнице и капала на пол. Я задумчиво смотрел на пузатый бронзовый ларец; а он, в свою очередь, свирепо пялился на меня. Это не метафора: крышка представляла собой стилизованную фрогскую физиономию, навечно застывшую в гротескной гримасе ярости. Неведомый мастер подошел к работе со всем тщанием; ни патина, ни тонкий налет водорослей не

могли скрыть искусной чеканки – каждая складочка, каждое пятнышко неповторимого кожного узора, даже бородавки… Странно, я никогда раньше не видел у Тыгуа этой вещицы. Настоящий антиквариат – если не ошибаюсь, такой стиль, «отрубленная голова», был популярен во времена прежней династии, то есть ей по меньшей мере лет двести… Шкатулка лежала, полузанесенная мелким песочком, в углублении дна, служившим Тыгуа летней постелью. Как будто он нарочно оставил её там для меня, чтобы не пришлось долго искать… Впрочем, почему «как будто»? Наверняка всё так и было.

Я осторожно погладил маленького демона по макушке. Ни замка, ни ручек. Как же ты открываешься, малыш? Должны быть некие подвижные элементы… А, вот оно что: глазные яблоки вращаются в глазницах! Крышка, только что составлявшая единое целое с решетчатым коробом, вдруг поддалась.

Внутри лежали письма. Перетянутая вощеным шпагатом аккуратная стопка волокнистой храмовой бумаги, немного похожей на тончайший войлок. Такая может пробыть в воде долгие годы, и ей ничего не сделается... Правда, и писать на ней не так просто – требуются особые твердые чернила, предварительно расплавляемые на маленькой жаровне. Для повседневной корреспонденции у фрогов используется совсем другая бумага, обычная – раньше её пропитывали перед отправкой специальным маслом, теперь опрыс-

кивают водоотталкивающим спреем, на случай возможных превратностей пути. Как правило, этого достаточно, чтоб защитить послание от вездесущей влаги. Секретом производства храмовых листов владеют лишь несколько монастырей; на них пишут священные тексты – и не больно-то охотно продают на сторону… Разве что покупатель предложит совсем уж заманчивую сумму.

– Дело наконец-то становится интересным… – пробормотал я, распутывая узел бечевки.

Здравствуй, старинный товарищ! – начиналось письмо. *– До сих пор от тебя не было никаких вестей, а это совсем не похоже на бравого майора Тыгуа. Скорее всего, предыдущие пять моих писем попросту не добрались до адресата; а значит, дела ещё хуже, чем я предполагал вначале. Это послание, чтоб ты знал – шестое по счету, и на этот раз я не рискну доверить его королевской почте, не столь уж и надежной, как мне теперь кажется. Его доставит один ловкий малый: беглый катрожанин, убийца и контрабандист – тварь насквозь преступная и корыстная, но именно по этой причине самый надежный из почтальонов. Ирония судьбы!*

С ним же ты можешь передать ответ; хотя, не скрою, я спал бы куда спокойнее, зная, что ты прибудешь ко мне собственной персоной. Но в любом случае, жду от тебя хоть каких-нибудь вестей, ибо ничто не угнетает более, чем писать в неизвестность. К слову – если соберешься ответить, будь добр, запакуй письмо получше – иначе, боюсь, я получу

лишь размокший до неузнаваемости комок бумажной массы. Этот малый, подозреваю, не будет беречь его от воды; парня куда больше беспокоит сохранность собственной шкуры, а рискует он постоянно.

Итак, пора, наконец, перейти к сути дела – и поверь, для меня это совсем непросто. Основная причина, по которой я решил адресовать своё послание именно тебе – даже если ты не поверишь в рассказанную мной историю (а принять такое всерьёз почти невозможно, в чем и заключается часть проблемы!), то, по крайней мере, не будешь смеяться над выжившим из ума стариком Звездуа. Ты можешь просто отмахнуться и забыть – что ж, если так, значит, я заслужил именно это. Мне остаётся лишь надеяться на лучшее.

Стиль этого Звездуа мог вывести из себя любого. Вместо того, чтобы кратко и точно описать суть своих затруднений, старец растекался мыслью по древу – надо сказать, в полном соответствии с классическими традициями фрогского эпистолярного жанра; но черт меня побери! Уж если дела твои столь плохи, что просишь о помощи бывшего сослуживца, которого не видел бог знает сколько времени, можно и пренебречь некоторыми условностями!

То, что писавший давным-давно не пересекался с Тыгуа, было очевидно: он называл его майором, хотя учитель вышел в отставку в звании подполковника. Интересная деталь… Похоже, ему больше не к кому было обратиться. И

ещё: последние две фразы были, по сути, отчаянной, хотя и несколько завуалированной, психологической уловкой. Старик, изображая смирение, пытался сыграть на благородных чувствах Тыгуа. Не слишком-то честный приемчик! Должно быть, он и впрямь находился в отчаянном положении… Или это просто свойство натуры? Посмотрим… Я принялся читать дальше.

…Всё началось в конце зимы; и началось с того, что я обнаружил в замке чужака.

Здесь я должен вкратце пояснить, что представляет собой наше родовое поместье. Как ты знаешь, я потомственный военный. Мои предки были в числе тех, чьими стараниями укрепилась нынешняя королевская династия, а границы Пацифиды отодвинулись далеко на юг. Мы с трудом приводили к покорности воинственные племена, населявшие здешние леса. Крупные сражения были редкостью, но от малых мы не знали покоя – постоянные стычки, набеги и засады сделались, по сути, изматывающей каждодневной рутиной; и дабы избавиться от них, клан Тотолле укрепился в урочище Срубленный Лес.

Местность сия названа так не случайно. Она изобилует узкими островерхими скалами, возвышающимися над заболоченными джунглями на добрых полсотни метров, подобно исполинским пням, увенчанным коронами каменной щепы. На вершине одного из таких утесов мои, в ту пору весьма многочисленные предки и возвели замок: небольшой, но

полностью неприступный. Попасть внутрь, да и покинуть его можно только с ведома хозяев. Скалу со всех сторон обтекает река, так что единственный способ напроситься в гости – подогнать лодку к отвесной стене, после чего привлечь внимание обитателей и дождаться, отгоняя полчища назойливой мошкары, покуда за тобой не спустят на цепях пассажирскую клеть. Подобным же образом в замок доставляются грузы. Естественно, для важных и срочных визитов существует воздушное сообщение – но, поскольку моё родовое гнездо находится вне трасс динамического поля, летучим кораблям приходится добираться сюда на одних только аккумуляторах, чего наши доблестные воздухоплаватели очень не любят, как ты прекрасно знаешь. Я уже и забыл, когда последний раз видел в небе знакомый силуэт…

Кроме меня самого, моей жены, младшего сына и дочери, а также троих внуков, в замке обитает прислуга – сейчас это двенадцать фрогов, причем всех их я знаю уже очень давно. Как понимаешь, ни один посторонний не дерзнет проникнуть наверх без моего ведома; о том, чтобы тайком провести сюда чужака, не может быть и речи. Вообрази же моё удивление, когда я, мучимый приступом подагры, отправился ночью на кухню раздобыть себе чашку чая и повстречал там незнакомца.

Этот тип… Не знаю даже, как описать мои чувства: за годы службы мне довелось повидать всякого, но ни один фрог не вызывал до сих пор столь явного отвращения – учи-

тывая к тому же, что я видел его при свете ночника и лишь несколько мгновений. Мерзкого вида карлик с физиономией, покрытой необычайно крупными пигментными пятнами, почти голый, в одной лишь набедренной повязке – летом подобным одеянием у нас никого не удивишь, однако зимние ливни холодны, и даже распоследняя голытьба в это время года предпочитает носить плащи или хотя бы сплетенные из травы накидки. Ростом он был не выше десятилетнего ребенка, но телосложением обладал отнюдь не детским: худое, испещренное шрамами тело перевивали тугие веревки жил. Его присутствие было настолько неестественным здесь, в моём замке, настолько невероятным, что я даже засомневался: вдруг я задремал и вижу это во сне?

Мерзавец копался в одном из ларей, где мы храним пересыпанное пряностями сушеное мясо. Он не мог не слышать моего приближения, однако обратил на меня не больше внимания, чем на какое-нибудь насекомое: мазнул безразличным взглядом и продолжил своё дело! Несколько мгновений я ошеломленно взирал на происходящее, не в силах поверить собственным глазам. Наконец, издав возмущенный вопль, я замахнулся на отвратительное создание ночником, ибо больше у меня ничего не было – но эта тварь вдруг с немыслимой ловкостью и проворством метнулась прочь и исчезла во тьме.

Естественно, я тут же поднял на ноги всех домочадцев. Мы зажгли свечи и факелы, и вооружившись кто чем, обыс-

кали каждый закуток – но так никого и не обнаружили. Подъемные механизмы лифтов оставались застопорены, а других путей, чтобы покинуть замок, как я уже упоминал, не существует – разве что прыгнуть в сонные воды реки, понадеявшись на удачу. К концу ночи родня стала уже роптать втихомолку, а жена так прямо спросила, не пригрезилось ли мне всё это во сне.

Увы! Я бы и рад был списать возмутительную встречу на дремотное видение, однако же сон и явь не настолько ещё перепутались в моей старой голове. Я настоял, чтобы у дверей в наши спальни дежурил кто-нибудь из слуг – правда, моя супруга категорически воспротивилась тому, чтобы вооружить караульных арбалетами или мачете. Мы сошлись на компромиссе: в качестве оружия им были выданы швабры. Догадываюсь, как ты сейчас развеселился; но невзирая на всю комичность, этим предметом при случае вполне можно воспользоваться в качестве дубинки.

Взбудораженный ночным переполохом, я заснул лишь под утро. Можешь представить моё изумление и негодование, когда на следующий день, спускаясь к завтраку, я вновь лицезрел незваных гостей – да-да, теперь уже во множественном числе! Двое карликов вольготно расположились на гребне стены, с наглыми ухмылками обозревая внутренность замка – МОЕГО замка! Как пожалел я в тот миг, что под рукой нет ни мушкета, ни арбалета – из окна до них было рукой подать! Но мой зов, как на зло, никто не услышал – а

когда я всё-таки докричался слуг, омерзительные создания уже исчезли. Я опять собрал всех домочадцев и заставил их обыскать замок ещё раз. При этом мне пришлось выслушать саркастические замечания супруги; а надо сказать, мадам Тотолле – женщина весьма властная, и спорить с ней нелегко. Но в тот раз я настоял-таки на своём. Стоит ли говорить, что мы вновь никого не нашли!

Родственники начали поглядывать на меня странно. Я же, вооружившись армейским пистолетом, занял позицию в верхней зале донжона, в библиотеке, обеспечив себе тем самым прекрасный обзор. Незаметно для себя я задремал – сказалась бессонная ночь; и проснулся от громкого стука в дверь. Как выяснилось, моя неугомонная супруга послала в ближайшее селение за лекарем. Полагаю, её скептицизм относительно виденного мной передался ему в полной мере. Этот самодовольный юнец имел наглость рекомендовать мне постельный режим и успокаивающие отвары; и только мой почтенный возраст, да ещё заступничество жены, помешали мне спустить эскулапа с лестницы.

На следующий день я заметил, что многочисленное оружие, украшавшее стены, куда-то исчезло. На мой вопрос супруга ответила прямо – мол, она велела слугам спрятать всё, опасаясь моего «расстройства»! Я готов был пойти с ней на конфронтацию, но обнаружил, что вся моя родня решительно её поддерживает. В конце концов, им почти удалось убедить меня, что я стал жертвой галлюцинаций!

А визиты непрошеных гостей меж тем продолжались. Теперь я постоянно натыкался на следы их присутствия: разворошенные припасы, сор, объедки, оставленные в самых неожиданных местах… Мои же близкие оказались поражены странной, избирательной слепотой: они в упор не замечали происходящего, а если я, выведенный из себя, буквально тыкал их носом – делали удивленные глаза и пожимали плечами! Более того – кое-кто имел наглость винить в этом меня самого!

Апофеозом происходящего стал канун ночи Пяти Святых секты огнепоклонников. В наших краях этот праздник весьма популярен, причем не только среди сектантов, ибо совпадает с приходом устойчивой теплой погоды. По давней традиции всё наше семейство собирается в большом бассейне, за плавучим столом; а после обильного ужина детям позволяется запускать в небо летучие фонарики.

К тому времени отношения мои с домочадцами сделались весьма натянутыми: они считали меня выжившим из ума старым болваном, я же поражался их удивительной тупости и слепоте. Но в праздник не место обидам, и вечером я присоединился к своей семье. Стол, как и всегда, изобиловал снедью: кухарки постарались на славу. Мы неторопливо прогуливались вдоль бортиков бассейна, делая вид, что не обращаем на него внимания и глотая слюнки: согласно традиции, праздничный ужин полагалось начинать только после захода солнца. Внезапно меня привлекло некое движение

на стропилах. Последние лучи заходящего светила били прямо в глаза, мешая разглядеть подробности, но сомнений не было: по крайней мере один из мерзких карликов притаился там, среди теней.

Я сдержал первый порыв и дождался, покуда солнце не скроется за горизонтом. Князья преисподней! Не один, не двое даже – четверо отвратительных уродцев восседали на стропилах под крышей бассейна!

– Глядите! Глядите все! – торжествующе возопил я, указывая на них. – Ну?! Теперь-то вы видите!

– Видим что? – с неподражаемой тупостью спросил мой сын.

Я потрясенно уставился на него, потом перевел взгляд на остальных. Это было невозможно, немыслимо – и тем не менее, это было так. Они отказывались замечать карликов; смотрели на них в упор – и не видели! Изрыгнув проклятие, я выхватил из кармана халата маленький дорожный пистолет – по счастью, тогда супруга не зашла ещё столь далеко, чтобы рыться в моих вещах; но выстрелить так и не сумел. Вся родня набросилась на меня в едином порыве; они отняли оружие и... Не хочу описывать эту безобразную сцену. Мне дали понять, что я не хозяин больше в собственном доме; хуже того – что я не хозяин самому себе, а всего лишь несчастный безумец, одержимый нелепой манией!

Можешь ли ты представить себе мои чувства, мои терзания и сомнения?! Не стал ли я действительно жертвой

помешательства… А может, жертвой какого-то чудовищного заговора?! Но всё во мне протестует – как против первого варианта, так и против второго. Возможно, ныне я действительно не более, чем вздорный старик – но сомнений в том, что увидел, по счастью, не имею! Что же касается заговора… Нет и ещё раз нет. Никто из них – ни моя жена, ни дети, ничего не выиграют, если объявят меня сумасшедшим; никакой выгоды им это не принесет…

С того вечера я фактически сделался узником в собственном жилище. Моя супруга убедила всех, что я тяжко болен и представляю угрозу – в первую очередь для себя самого. Должен признать, она оказалась хорошим тюремщиком. Всё оружие, все предметы, которые она посчитала опасными, изъяты из моего обращения; она контролирует моё существование, сообразуясь с указаниями лекарей, даже письма мои перлюстрируются… По счастью, я не только самый старый из обитателей замка, но и самый опытный. Пришлось вспомнить некоторые уловки молодости, чтоб избежать бдительного надзора и отправить тебе эту весточку.

Что ж! Надеюсь, ты получил представление, в каком нелепом и ужасном положении я оказался. Мне осталось сказать немногое. Мои родственники, по-видимому, будут добиваться признания меня недееспособным – по крайней мере, такой вывод я сделал из подслушанных обрывков разговоров. Нелегко в этом признаваться – но, возможно, во-

дворение в лечебницу будет не самым худшим из вариантов, ибо избавит меня от необходимости ежедневно лицезреть карликов. Эти гнусные создания окончательно захватили замок; не проходит и дня, чтоб я не столкнулся с кем-нибудь из них лицом к лицу. Они обитают под одной крышей с моими близкими, воруют пищу чуть ли не с их тарелок, сорят и гадят повсюду, оставаясь при этом невидимыми для всех, кроме меня. Клянусь, я с радостью придушил бы любого из них! Но поистине сверхъестественная увертливость и быстрота этих созданий нее оставляет мне даже тени шанса – ведь я уже стар и немощен. Теперь ты знаешь всё, что я хотел сказать. Засим, остаюсь твой

Тотолле Звездуа,
Генерал в отставке.
Писано в замке Тотолле,
канун Ночи роения светлячков.

***

М-да… То, что я счел вначале стопкой писем, оказалось одним-единственным посланием: чертовски длинным, эмоциональным… И чудовищно нелепым. Я не понимал одного: зачем было его так старательно прятать? Хотя…

У нас, в Королевстве Пацифида, свой календарь. Дни принято считать относительно многочисленных праздников, либо религиозных, либо связанных с теми или иными явлениями природы. Ночь роения светлячков… По времени мира людей, или Метрополии, как мы его называем, с тех пор

минуло полтора месяца. Я не знаю, где находится урочище Срубленный Лес; но от южных границ Королевства до столицы десять-двенадцать суток пути – если, конечно, плыть на здешнем парусном корабле, пиассе. Значит, письмо нашло адресата дней тридцать назад. Примерно тогда Тыгуа и слег – если верить некрологу, у наставника прихватило сердце на банкете, посвященном очередному выпуску академии ВВС… Да, пожалуй, сходится.

Должно быть, он предчувствовал скорый конец. Тыгуа как-то пошутил: мол, величайшие из воинов просто обязаны умирать от старости в собственной постели – ведь это означает, что они одолели главных своих врагов и сделались неуязвимыми для прочих... Увы! Не всем суждено дожить до глубоких морщин. Наверное, он сильно переживал, что не в силах помочь этому Тотолле Звездуа; а единственный тип, способный разобраться в странном деле (то есть я), шлялся незнамо где. Что ж, тогда всё понятно – и завещание, и даже прощальная выходка с термитом. Последнее было сделано лишь затем, чтоб привлечь моё внимание: наверняка случившееся на похоронах будет во всех завтрашних газетах. Ну, а шарада с письмом… Он ведь прекрасно знал, почему я исчез два года назад; понимал и то, что вернувшись в Амфитриту, я буду избегать любых контактов. Полагаю, что его своеобразное чувство справедливости тоже сыграло роль. Тыгуа не добавил ни строчки от себя. Он ни о чем меня не просил. Я сам должен был решить, что делать дальше.

Закат давно догорел, и над мангровым болотом сгустились лиловые сумерки. Из осторожности я не стал зажигать светильник: мало ли, кому придет в голову наведаться сюда. Строго говоря, до официального вступления в наследство я не имел права находиться в доме. Однако ночевать под крышей всё же лучше, чем на улице, да и риск невелик… Но подпереть дверь чем-нибудь тяжелым имеет смысл – так, на всякий случай.

Я ощущал себя странником на распутье. С одной стороны, я не мог не откликнуться на последнюю просьбу Тыгуа – пускай даже непроизнесенную. С другой – дело это покуда выглядело весьма странным. Честно говоря, я бы поставил на то, что у старого генерала съехала крыша, пусть он и утверждал обратное. Но учитель, похоже, придерживался противоположного мнения – иначе он просто не стал бы затевать всю эту историю. Без визита в замок Тотолле не обойтись; и здесь начинались проблемы…

Два года назад я перешел дорожку одному негодяю, по имени Даго Хеллисентис. Если ты занимаешься частным сыском, такие вещи рано или поздно случаются. На мою беду, Даго оказался миллионером – и обладателем гипертрофированного, чудовищно раздутого эго. Он зациклился на мести; я же счастливо пережил парочку покушений, прежде чем уяснил, что к чему. По счастью, один парень из окружения Хеллисентиса считал себя моим должником; он-то и просветил меня относительно происходящего, а заодно по-

мог инсценировать, правда, весьма небрежно, собственную гибель. Не знаю уж, поверил ли Даго в мою смерть; но стоит ему убедиться, что я жив – и жажда мести тут же вспыхнет с новой силой, в этом я даже не сомневался. На меня начнется охота: в Амфитрите полно негодяев, способных мать родную прирезать ради пары медяков, а за деньгами он не постоит. До сих пор на Хеллисентиса работали парни весьма низкого пошиба, но кто знает – вдруг он всё-таки способен учиться на своих ошибках… Профессиональных убийц и костоломов у нас тоже хватает.

Сложности этим не ограничивались. Путешествие, особенно далекое, требует денег – не говоря уже о том, что предстать перед семейством Тотолле должен лощеный частный детектив, а не оборванный и заросший клошар!

Конечно, у меня оставались друзья, но встретиться с ними без риска подвергнуть опасности я не мог. Проклятый Хеллисентис располагал серьёзными ресурсами: с него сталось бы взять под наблюдение всех, к кому я мог обратиться. И, наконец, собственно то дело, ради которого я собирался преодолеть сотни километров… Вовсе не факт, что родственники старого генерала будут мне рады. Скорее всего, наоборот – раз уж они дошли до того, что просматривают его корреспонденцию.

Кстати, зачем? Этот штришок мог оказаться весьма важным. Если отбросить очевидную версию с безумием Звездуа, напрашивался вариант с вероломством его родни. Сам

генерал весьма страстно отверг эту мысль, но как раз тут его суждениям доверять не стоило. В конце концов, Тотолле были древним аристократическим семейством, а хитрость и коварство у фрогской знати в крови; недаром же в королевской администрации существует вполне официальный титул «мастер придворной интриги»!

А ведь это вполне подойдёт для начала, в качестве рабочей версии, внезапно понял я. Разумеется, следует переговорить со стариком тет-а-тет. Надо же убедиться, что он не спятил. Кстати, вовсе необязательно представляться родственникам Звездуа частным сыщиком. Можно ненадолго перевоплотиться в совершенно иную личность… Например – в психиатра из Метрополии, странствующего по просторам Королевства! Зачем? Ну, в поисках… Хм… Чего он тут может искать? Не пациентов же? О, вот что: интересные случаи для своей диссертации! Мне как-то довелось прочесть несколько трактатов, посвященным душевным недугам; полагаю, этого вполне хватит, чтобы изобразить специалиста.

– Отлично, просто блестяще, – пробормотал я под нос. – Господин доктор, о да. Но врач из Метрополии должен выглядеть респектабельно, не так ли? Внушать доверие! И это снова возвращает нас…

К вопросу денег, увы. Что ж; похоже, придется рискнуть и заявить о своём

присутствии в мире живых – другого пути нет… Быть может, Тыгуа предвидел и это? Может, он хотел, чтоб я бросил

вызов своим недругам? Но – в таком случае он наверняка оставил бы мне какое-нибудь оружие… Оставил бы… Оставил…

Внезапно я расхохотался. Учитель и впрямь предусмотрел всё! Шкатулка времен старой династии наверняка стоила бешеных денег – никак не меньше сотни трито. И главное, мне совершенно незачем раскрывать своё инкогнито; достаточно обратиться к не слишком щепетильному антиквару. Найти же подобного фрога не составит труда: торговцы стариной – та ещё публика…

Глава 3. Киднепперы

Груз в лодке был самый обычный, не привлекающий внимания – контейнер для речных перевозок: грубое, крепко сбитое сооружение из нестроганных досок и толстых листов водостойкой фанеры. Ну а то, что в стенках кто-то наковырял дырок – что ж, получатель всегда может заявить претензию по поводу некондиционной тары… Впрочем, предполагаемые адресаты данного конкретного груза предпочитали обходиться без глупых юридических формальностей – равно как и отправители.

Экспедиторов было двое, причем весьма характерной наружности – неожиданная встреча с подобной парочкой где-нибудь на задворках, ближе к ночи, вполне могла закончиться на дне ближайшего канала. Один громила лениво прива-

лился к запертой дверце контейнера, другой управлял движением – обшарпанная, видавшая виды посудина была оборудована новеньким и весьма мощным динамическим двигателем. Правда, здесь, в сети городских каналов, толку от него всё равно было чуть: узкие берега и обилие всевозможных лодок, лодочек, лодчонок и плотов не оставляло шанса набрать сколько-нибудь заметную скорость.

– Э, слышь! Интересно, сколько Горелый на этом наварил? – осведомился один экспедитор у другого.

– Тебе-то что? – лаконично откликнулся спрашиваемый и шевельнул рукоятку руля, вписываясь между двумя судами.

– Э! Я вот думаю – а чего он нас подписал? – вновь нарушил молчание первый громила. – Мы ж не по этой части. Да ещё хотел Шипа или Хмурого третьим отправить, но потом передумал? Чего в этой девке такого особенного?

– Не в ней дело, – проворчал второй. – В покупателях. Я слыхал, босс не сторговался с парочкой *персон*, настоящую цену дал только Бледный Крост, – словечко «персоны» громила выделил особой интонацией. – Понял теперь? Так что секи поляну!

– Расслабь булки, – посоветовал первый громила. – Нам поручили довезти груз до места, и только, верно?

– Ну?

– Значит, денежки Горелому уже заплачены, так? А раз они заплачены, товар принадлежит Бледному Кросту. А теперь скажи: кто из *персон* захочет поссориться с Бледным из-

за этой мелкой глисты? Ты бы вот рискнул?

– Я-то? Не-е... Но ты знаешь – Топи кишат самоубийцами…

Первый громила ухмыльнулся, давая понять, что оценил тонкий юмор напарника.

Лодка сделала очередной поворот и вошла в узкий, извилистый рукав. Сутолока большого канала осталась позади. Над водой с обоих сторон нависали постройки – ими, собственно, и были образованы берега. Дома здесь лепились один к другому, похоже, в течение нескольких сотен лет: в самых старых кирпич уже порядком выкрошился. Лишь изредка в изъязвленных временем, поросших лишайниками стенах рукотворного ущелья попадался разрыв: низкие арки тоннелей, ведущие куда-то во тьму, или пышная зелень вездесущих, разросшихся сверх всякой меры кустарников. Острые запахи тины и застоявшейся, нечистой воды шибали в ноздри.

– Вон там, не доходя свай, поверни направо, – бросил рулевому напарник.

– Куда тут, разрази меня преисподняя, сворачивать? В стену, что ли?

– Заросли плюща видишь? Правь прямо на них, там будет проход.

– Ни хрена себе тут всё заросло…

Нос лодки с шуршанием раздвинул свисающий до самой воды зеленый занавес. Тоннель из листьев и ветвей сомкнул-

ся над ними – а в следующий момент сильный удар опрокинул обоих громил кверх тормашками: киль наткнулся на коварно притопленное бревно.

Рулевой поднялся на четвереньки и открыл было рот, чтоб высказать напарнику всё, что о нем думает – но внезапно замер: прямо ему в переносицу уставилось несколько взведенных арбалетов.

– Так, засранец, руки на затылок, и поживее, – деловито заявил один из налетчиков. – Эй, мордатый! К тебе это тоже относится.

– Какого хрена?! – неуверенно рявкнул громила, обводя взглядом шайку. Физиономии у тех были щедро вымазаны липкой черной дрянью, вроде гуталина – к этой уловке нередко прибегали уличные грабители, чтобы закрасить уникальный для каждого фрога узор пигментных пятен. Но даже гуталин не мог скрыть того, что по крайней мере трое из этой компании были всего лишь подростками.

– Что, оно ещё и глухое? – издевательски осведомился старший, по всей видимости, главарь. – Парни, держите второго на мушке, чуть дернется – пришпильте его к борту… Руки, я сказал! Живо!

– Вы что за клоуны, ребята? – вроде как миролюбиво спросил второй громила. – Под кем ходите?

– А ну-ка, захлопни свою пасть! – главарь явно не собирался упускать инициативу. – У кого из вас ключ, а? Отпирайте этот долбанный ящик!

– Ты хоть знаешь, на кого сейчас наехал, урод? – процедил первый громила.

– А мне плевать! – ухмыльнулся арбалетчик. – Ключ, я сказал! Считаю до трех: раз, два…

– У меня его нет! – поспешно заявил первый громила.

– Значит… – острие арбалетного болта плавно качнулось.

– Уговорил! – проворчал второй, пряча руку за пазуху – но вместо ключа извлек здоровенный кремневый пистолет.

***

Позже, прокручивая в памяти случившееся, Морфи пытался понять, почему никто не среагировал – ни Роффл, ни Гас, ни Олури, ни сам Папа. Должно быть, всё дело в том, что движение громилы было совершенно обычным, естественным, даже ленивым каким-то…

Он успел, должно быть, долей секунды раньше. Пальцы судорожно жамкнули спусковой рычаг, и тут же тяжелый приклад несильно дрогнул – ощущение было, как от лёгкого толчка ладонью. Морфи даже не целился; но из правого глаза громилы вдруг вырос диковинный цветок – крашеное весёленькой ярко-желой краской оперение арбалетного болта. На краткое мгновенье всё замерло: мутная вода, фроги, крупная стрекоза в косых солнечных лучах, прорвавшихся сквозь хитросплетение листьев…

Глухо брякнул о дно лодки выпавший пистолет; а сверху, словно набитый тряпьём мешок, рухнул громила – рухнул и остался лежать.

– ..! – потрясенно выразился кто-то.

– Твоему дружку не повезло, – голос Папы Ориджабы заметно сел, но говорил он по прежнему твердо. – А теперь медленно… Очень медленно… Нагнись и достань у него ключ.

***

Я тащился по улице, бормоча под нос ужасные проклятия. Амфибо, язык фрогов, вообще достаточно цветист, а уж по части ругательных оборотов и подавно – из наречий Метрополии с ним может соперничать разве что немецкий, да и то... Попробуйте-ка сказать собеседнику, что он исключительно гнусный тип, усомниться в официальной версии его происхождения и намекнуть на осуждаемые в любом обществе сексуальные пристрастия, при этом походя оскорбив его религиозные чувства (если таковые имеются) – и всё это одним-единственным, хотя и довольно длинным, словом!

Причиной моего скверного настроения были столичные антиквары – эти бессовестные барыги, эти разбойники с большой дороги, эти флибустьеры, лишенные даже малейшего намека на порядочность. За полдня я обошел с десяток лавчонок, торгующих стариной – как оказалось, этого вполне достаточно, чтобы окончательно разочароваться в соотечественниках-амфибиях. По моим прикидкам, ларец Тыгуа стоил не менее сотни трито. Даже учитывая собственный потрепанный вид, а также то, что деньги требовались срочно,

я рассчитывал выручить никак не меньше восьмидесяти. Но все, абсолютно все начинали с того, что предлагали взять его по цене медного лома! Чего я только не наслушался – от уверений, что подобное продаётся тут на каждом углу, до откровенного шантажа и гнусных инсинуаций по поводу моей персоны. Некоторые начинали вслух размышлять, не пытаюсь ли я всучить им краденое и не стоит ли вызвать полицию!

За очередным поворотом показалась ограда кладбища – и я, повинуясь внезапному импульсу, толкнул скрипучую металлическую калитку и шагнул в зеленоватый сумрак. Ухоженная аллейка вилась меж надгробий. Здесь никого не было – живые, как правило, избегают мест, напоминающих им о бренности существования. Присев на скамейку, я сделал несколько глубоких вдохов – и усмехнулся.

А ведь надо признать, все эти мерзавцы-торгаши были настоящими энтузиастами своего дела! Наверное, меня приняли за опустившегося иммигранта – одного из тех бедолаг, что приехали сюда в отпуск и внезапно обрели, как им казалось, потерянный рай. Красоты нашего мира, дешевизна жилья и продуктов, поджидающие на каждом шагу соблазны – от разнообразных наркотиков до экзотических религиозных учений, со многими сыграли злую шутку. Доходило до того, что некоторые решали полностью порвать с прежней жизнью – сжигали свои документы и отправлялись бродяжничать, благо, даже очень скромной, по меркам Метрополии, сум-

мы в их карманах здесь хватало надолго… По крайней мере теоретически: стоило такому горе-туристу забрести, например, в Весёлые Топи – и прозрение не заставляло себя долго ждать. В прошлом мне не раз доводилось заниматься поисками пропавших соплеменников – как правило, это были те ещё обормоты, великовозрастные чада богатеньких родителей, так и не сумевшие повзрослеть…

Что дальше? Двадцать семь трито – это всё, что мне удалось вырвать из жадных перепончатых лап столичных барыг. По меркам люмпенов из Весёлых Топей, например, я только что сделался настоящим толстосумом. В принципе, этих денег вполне хватит на приличный костюм и на дорогу. Светилу психиатрии к лицу путешествовать на воздушном корабле, пускай даже эконом-классом! А уже там, на юге, будет возможность нанять лодку и проводника для визита в урочище Срубленный Лес. Заморочить родню Звездуа научными терминами и апломбом «настоящего ученого», добиться свидания тет-а-тет с генералом, ну, а дальше – по обстоятельствам… Но что делать, если вдруг потребуются незапланированные траты?

На колени мне спланировал сухой лист мау-курру. Он чем-то напоминал свернутый парус… Много позже, оглядываясь назад, я частенько вспоминал именно этот момент: точку, когда всё могло пойти по-другому. Преображение в herr'a doctor'a направило бы мои изыскания в совершенно ином направлении; и как знать, чем бы всё завершилось…

Но лист навеял совершенно иные образы. Запахи речной воды, просмоленных досок и тины; плеск волн и весёлая перебранка матросов, скрип уключин и свежий ветер, ласкающий лицо… Новая жизнь приучила меня быть экономным – так что мешает найти какую-нибудь баржу и полюбовно сторговаться со шкипером? Матросы на реке нужны всегда; вдобавок, я не только сэкономлю деньги, но и малость подзаработаю! Вечный бродяга, перекати-поле, искатель приключений – в моём положении вообще самая безопасная из масок.

Кладбище я покинул умиротворенным. Досада ушла; теперь я точно знал, как и что буду делать. В душе исподволь нарастало желание встретиться со старыми друзьями, пройтись по улочкам, знакомым с детства… Но проблемы, увы, остались прежними. Я закупился в дорогу – только самое необходимое, то, чего нельзя достать вдалеке от столицы; а заодно выяснил предстоящий маршрут и отыскал попутный корабль. Это был небольшой грузовой пиасс – традиционная посудина фрогов, с похожим на веер парусом и круто задранными носом и кормой. Команда – простые ребята, грубоватые, но весёлые; мне всегда нравилась такие. Мы в два счета нашли общий язык, после чего я немного помог парням с погрузкой.

Когда последний тюк занял своё место в трюме, из-за борта был извлечен решетчатый ящик с парой закупоренных кувшинов внутри. Тростниковый эль – забавная штука: по

вкусу похож на пиво, но валит с ног почище молодого вина. Прохладный напиток пришелся весьма кстати. Моим новым товарищам, как водится, показалось мало, и вся компания нетвердой походкой двинула в ближайший кабак. Я же удобно устроился на корме, в тени полотняного навеса. Покуда всё складывалось удачно: мой визит в Амфитриту остался незамеченным, а к вечеру мы покинем полную суеты и опасностей столицу и двинем на юг. Здесь, на пиассе, мне ничего не угрожало; общий план действий был намечен, и проклятая неопределенность отступила. Что ещё надо для счастья? Незаметно для себя я задремал.

В Метрополии говорят: хочешь насмешить богов – расскажи им о своих планах. У фрогов есть аналогичная поговорка, почти слово в слово. Только вместо богов здесь принято поминать князей преисподней…

***

Папа Ориджаба греб молча; он накинул на изуродованную ладонь верёвочную петлю, чтобы рукоять весла не выскальзывала. Роффл не отставал: мускулы так и бугрились под кожей. На многочисленных повязках «братца» выступили свежие алые пятна. Морфи едва успевал перекладывать руль, вписываясь в извивы узких каналов. Краденая лодка шла валко, то и дело норовя зачерпнуть бортом; да и то сказать – она не была рассчитана на такое количество народу.

Пленницу запихнули в джутовый мешок – сразу, как толь-

ко громила отомкнул замок, удерживавший её на цепи. Интересно, кстати, зачем? Из контейнера она всё равно не могла бы выбраться… Ох, не о том надо думать! Сейчас мешок лежал на дне лодки, под ногами Роффла, и распространял гнусный запах. Девчонка вела себя тихо, не трепыхалась. Вначале было попробовала, но Роф быстро её утихомирил. Одной заботой меньше… Проблем и так хватало.

Морфи ощущал в душе странную пустоту. Все эмоции словно отключились; он как будто наблюдал себя и всех остальных со стороны – спокойный и невозмутимый. Залитые потом лицо и грудь Папы, страх Гаса, окружавший его, словно облако, нервно закушенная губа Олури, мрачная сосредоточенность Роффла – все эти мелкие детали, на которые он прежде не обратил бы внимания, теперь просто бросались в глаза. Семейство Ориджаба нервничало; да и было отчего… Громила, вскрывая контейнер, грозился страшными карами – до тех пор, покуда Папа не заткнул его грязную пасть навсегда; но страшней всех угроз было одно-единственное имя: Крост. Бледный Крост.

Всякий обитатель Весёлых Топей едва ли не с младенчества знал клички мрачных трущобных владык, некоронованных принцев самого преступного района столицы. Даже мафия предпочитала не связываться с «персонами». В своих владениях они обладали поистине безграничной властью – властью, основанной прежде всего на страхе. Но даже среди этой отвязной братии Крост стоял особняком. Основные ба-

рыши он получал с ростовщичества и торговли краденым. Фрогов, имевших неосторожность задержать платеж, или же расстроить Бледного чем-нибудь ещё, редко находили в одном месте. Как правило, такой несчастный более или менее равномерно распределялся по нескольким кварталам… Причем, если вам довелось обнаружить части тела, заботливо расфасованные по маленьким корзинкам – вовсе необязательно, что их прежний обладатель к тому времени уже умер. Крост был опытным вивисектором.

Знал ли Папа заранее, на чей куш нацелился? Морфи готов был поспорить, что нет: экс-карманник никогда в жизни не решился бы бросить вызов *такому* фрогу. Должно быть, те, от кого он узнал о сделке, не упоминали имен… Впрочем, что теперь гадать. Дело-то уже сделано.

После случившегося они никак не могли оставить в живых второго громилу. Папа первым всадил ему в горло стрелу – и заставил остальных сделать по выстрелу в хрипящее и дёргающееся тело. Гаса тут же вырвало; а вот Олури держалась молодцом – хоть и побледнела так, что это было заметно даже сквозь гуталин. Именно тогда чувства Морфи куда-то подевались: с тех пор всё происходило, словно во сне.

– Нам крышка, Папа. Нам полный капец, – произнес Гас странно-спокойным голосом. – Бледный вычислит нас, это как два пальца намочить. Они придут ещё до ночи.

– Заткнись, плесень! – рыкнул на «братца» Роффл; открывшиеся раны отнюдь не улучшили его мерзкий характер.

– Нытик проклятый!

– Нет, пускай выговорится, – неожиданно вступился Папа Ориджаба. – Гас, сынок, выше голову! У нас всё получится. Я ведь предупреждал, что дельце будет не из легких, э? Но мы справимся, вот увидишь. Я всё предусмотрел. Так, Роф, сбавь скорость: мы уже достаточно далеко отошли…

Это было сказано вовремя: за очередным поворотом открылся широкий канал с оживленным движением. Мы просто очередная компания в лодке, сказал себе Морфи. Семейка голодранцев, едущая по своим делам…

– У тебя гуталин на щеке остался, – сообщила ему Олури. – На вот, убери…

Морфи поспешно ухватил протянутую ветошь и принялся яростно стирать маркую субстанцию. Лавируя меж лодок, плотиков и изящно-грузных пиассов, посудина киднепперов вписалась в сутолоку большого канала.

– Ну что? Получилось? Как всё прошло? – накинулась на домочадцев Татти, стоило им только переступить порог. Её и Пиксина Папа на дело не взял: кто-то непременно должен был оставаться в хижине – впрочем, как и всегда. Каким бы скудным ни было имущество семейки Ориджаба, любимая поговорка Весёлых Топей «пустой дом – ничей дом» возникла не просто так.

– Получилось… А как – лучше тебе не знать, – мрачно ответил Роффл, без особых церемоний вытряхнул из мешка пленницу, и, не обращая больше внимание на расспросы,

рухнул на соломенный матрас. Девчонка тут же забилась в угол хижины, сжалась там клубочком, настороженно поблескивая большими янтарными глазами.

Теперь Морфи имел возможность присмотреться к ней получше. Первое впечатление оказалось верным: маленькая, тощая, грязная, с непропорционально-большой головой и крупными, почти уродливыми чертами лица… Ни дать ни взять – уличная замарашка. Так это что, и есть наш пропуск в мир за пределами Весёлых Топей, спросил он себя. Вот это вонючее тщедушное тельце, едва прикрытое какой-то ветхой тряпкой? Как такое может быть?

– Ну и запашок от неё… – поморщилась Татти.

– Не нравится? Притащи воды и вымой! – взорвалась Олури. – И вообще, нечего тут рассиживаться! Давай-ка, сообрази нам всем поесть… И ей тоже.

Татти возмущенно вскинула подбородок, но сказать что-нибудь поперек не осмелилась. Характер у «сестрицы» был боевой, за словом в карман та не лезла, а со злости могла и врезать как следует; даже забияка Роффл предпочитал с ней не связываться.

Папа Ориджаба присел на корточки перед пленницей.

– Эй, крошка! Не бойся нас.

Та не ответила, лишь смерила главу семейства мрачным взглядом. А не больно-то пигалица и трусит, отметил Морфи.

– Мы тебе не сделаем ничего плохого. Здесь ты в безопас-

ности. Главное, не пытайся удрать: там, – палец Папы ткнул в сторону двери, – очень много скверных фрогов! Нельзя, чтобы они тебя увидели, понимаешь?

Так и не дождавшись ответа, глава семейства Ориджаба с кряхтеньем поднялся на ноги и заковылял к своей бочке.

– Глаз с неё не спускайте! – буркнул он Гасу и Морфи.

***

Согласно плану Папы, заполучив приз, следовало затаиться и выждать пару-тройку дней – чтобы все заинтересованные стороны уяснили новый расклад. «Вот какая тонкость, парни: мы заключим сделку не с теми, кто предложит самую большую цену, а с теми, кто не сможет нас надуть!» – самодовольно заявлял глава семейства Ориджаба перед тем, как отправиться на дело. Каким образом он собирался отличить последних от первых, Папа, однако, не сообщил – как подозревал теперь Морфи, по той простой причине, что и сам не очень хорошо это представлял. Его план, по сути, был прост – пустить слух, что похитители готовы расстаться с добычей в обмен на кругленькую сумму. Но жизнь, как водится, быстро внесла свои коррективы.

Первые тревожные новости принесла с базара Олури. Трупы незадачливых охранников обнаружили; поползли слухи о пропавшем грузе, который те сопровождали – правда, пока без подробностей. Из уст в уста передавали слова Бледного. Ростовщик предлагал похитителям вернуть товар и быст-

ренько покончить с собой. Успевшие это сделать, заявил Крост, станут настоящими счастливчиками по сравнению с остальными членами банды.

– Они уже в курсе, сколько нас было, – убито прошептал Гас. – Ещё немного, и фроги Бледного заявятся сюда…

– Да ну, брось! Откуда им знать! – попытался возразить Морфи.

– Трупы, Мо. Сколько дырок от стрел – столько стрелявших, дошло?

– А мы-то, типа, при чем? Я бы в первую очередь подумал на крутых… На какую-нибудь банду!

– Наверное, так и есть, – признал Гас. – Наверное, Крост сейчас трясет всех серьёзных парней, до кого может дотянуться… Но это ненадолго, вот увидишь. Кто-нибудь наверняка заметил нашу компанию неподалеку от того места… А кто-нибудь ещё припомнит, кому недавно продал оружие.

Морфи почувствовал нехороший холодок промеж лопаток. Арбалеты раздобыли Папа и Роффл – и между прочим, ни словом не обмолвились, откуда те взялись. Хорошо, если «родственнички» просто подломили втихаря оружейную лавку; а если… Да нет, ерунда! Каждая из этих чертовых штуковин стоит уйму денег!

Татти, упорхнувшая на очередное свидание, вернулась раньше обычного.

– Все только и судачат, что об этом деле! – в глазах девушки плескался страх. – Говорят, Бледный посулил войну

любой *персоне*… Любому, кто попытается перехватить его товар! А ещё, говорят, он рассылает гонцов в уличные банды – и вроде, обещает заплатить за какую-то мелкую фрогги, которая видела всё от начала до конца…

Гас вдруг встал и подошел к бочке. В его движениях сквозила отчаянная решимость.

– Папа, всё! С меня хватит, слышишь? И вы… – он обернулся к остальным. – Почему вы все такие тупые?! Надо сваливать отсюда! Прямо сейчас! Ещё немного, и фроги Бледного будут здесь! А если вы не пойдёте, я… – тут Гас запнулся, но всё же договорил: – Я тогда уйду один!

– Я т-те уйду! – грозно рыкнул со своей лежанки Роффл.

– И куда же ты намылился, сынок? – вкрадчиво поинтересовался Папа Ориджаба. – Где ты будешь в большей безопасности, чем здесь? На улице? Там, где я однажды нашел тебя, свернувшегося в комок, готового каждую секунду обгадиться со страху?

– Да, именно там! – в голосе Гаса сквозили истеричные нотки. – Послушай, Папа… Все же вокруг знают, что ты подбираешь бездомных детей! Все наши соседи! Кто-нибудь как пить дать трепанет фрогам Бледного, и тогда они заявятся сюда, хотя бы просто для порядка – проверить… И увидят её! И всё, нам конец! Может, они уже сейчас…

– За порогом девчонку засекут ещё быстрее, – перебила Олури. – А если мы упрячем её в мешок, кто-нибудь рано или поздно заинтересуется, что такое мы тащим... И я тебе

ещё скажу, умник: ты с нами в одной лодке, понял?! Соскочить не выйдет! Прекрати истерику и сиди тихо; а не то, клянусь князьями Преисподней, я сама тебя вздую, да так, что мало не покажется!

– Слышь, брат, ну… Они правы… – неуверенно поддержал остальных Морфи; паника Гаса отчасти передалась ему, и он теперь всеми силами пытался заглушить это чувство. – Идти-то нам некуда больше, соображаешь? Ну где мы спрячемся?

– На корабле, – тоненький, хриплый голос прозвучал в наступившей тишине столь неожиданно, что все вздрогнули. – Спрятаться можно на корабле.

Морфи с изумлением уставился на пленницу. До той поры она не произнесла ни единого слова, вообще не издавала звуков – лишь поджимала тощие ноги, когда кто-нибудь подходил к ней слишком близко. Он даже не сразу понял смысл сказанного.

– На каком ещё корабле? – растерянно спросил Гас; но девчонка не ответила.

– А ведь в этом, пожалуй, что-то есть… – протянул Папа. – Да-а… Корабль… Хорошая мысль, дети мои! Мы можем даже смотаться на время из столицы, покуда тут всё не уляжется… Ты молодец, детка, – в голосе его вдруг зазвучали приторно-сладкие нотки. – За тобой охотятся, и это очень, очень плохие фроги! Но мы не дадим тебя в обиду, не бойся. Мы уже спасли тебя один раз, спасем и ещё… Так! Гас, Мор-

фи, не стойте столбом! Собирайте вещички, да поживее. Берите только самое ценное и необходимое. Девочки, вас это тоже касается... – Папа обвел взглядом хижину и подавил невольный вздох.

Какой бы скудной ни была обстановка, в Весёлых Топях всегда найдутся желающие безвозмездно заполучить твою собственность. Оставь дом на часок-другой без присмотра, и отсюда вынесут всё подчистую… А спустя два-три дня от хижины останется только голый остов: ветхие доски и просмоленная солома кровли для здешней голытьбы – такой же товар, как и всё остальное. Единственным утешением было то, что они не собирались сюда возвращаться.

– Эй, я что-то пропустила? Разве у нас есть деньги, купить место на корабле? – удивилась Татти.

– У нас есть арбалеты! – ухмыльнулся Папа Ориджаба, с плеском вылезая из бочки. – И поверьте, дети мои – в нашем положении это куда более надежная валюта.

Гас истерически хихикнул.

– Так мы что же, заделались ещё и речными пиратами, ко всему прочему?

***

Груза у киднепперов поначалу набралось немало. Хозяйственная Олури стремилась забрать с собой всё, что только можно: щербатую глиняную посуду, плетеные циновки, тряпьё, даже драные, набитые прелой соломой матрасы… В

конце концов, Папа Ориджаба вынужден был вмешаться и остудить пыл названной дочери.

– Бери то, без чего мы никак не обойдёмся! – втолковывал он. – Ну вот скажи, на что тебе эта рухлядь?

– Пригодится! – мрачно отвечала Олури, яростно пытаясь умять кучу тряпья в здоровенный фанерный чемодан, некогда найденный Гасом на свалке.

– Может, да, а может, и нет; только тащить всё придется на своём горбу. Придумай лучше, что делать с девчонкой…

С пленницей, впрочем, вопрос решился быстро. Отгородив от мужской половины семейства угол, Олури и Татти сняли с неё драные обноски и вымыли в Папиной бочке; после чего соорудили набедренную повязку из куска парусины, на мужской манер.

– Сойдешь за пацана! – хмыкнула Татти. – Ну вот, Ол, у нас ещё один братик объявился; как будто нам остальных засранцев мало…

Сборы были в самом разгаре, когда в хижину проскользнул Пиксин.

– Там, возле пустыря, какие-то типы! – выпалил он. – Спрашивали, где тут живет Ориджаба!

– Что за типы?! – насторожился Морфи.

– По виду – жуть какие крутые! Гадом буду, если у них чего хорошее на уме!

Нервы Гаса не выдержали.

– Бежим! – пискнул он и метнулся к двери.

– Куда?! А ну, стой! – рявкнул Папа. – На улице сразу заметят; давайте через окно! Татти, Ол, девчонка на вас! Роф, арбалеты не забудь!

– Не могу я, на хрен, тяжести таскать! – огрызнулся Роф-фл. – У меня раны болят!

– Заткнись и делай, что велено! Раны у него… Попадешься фрогам Бледного – узнаешь тогда, что такое настоящая боль!

***

Семейство Ориджаба успело в самый последний момент. Не прошло и пяти минут, как дверь хижины слетела с петель от мощного пинка. Брезгливо отряхнув с плеч древесную труху, внутрь шагнул высоченный силуэт.

– Эй, хозяева! – негромко позвал он, поводя дулом пистолета. – Есть кто дома?

– Удрали, – констатировал один из его спутников, окинув помещение быстрым цепким взглядом. – И не так давно. Готов поспорить, их предупредил тот мелкий фрогги.

– Далеко не убегут, – с жутковатой уверенностью отозвался первый вошедший. – Давайте, что ли, подпалим эту убогую будку… Сделаем им, хе-хе, яркий намек.

– А ну, постой! – один из фрогов Бледного вдруг нагнулся и поднял с пола грязную тряпку. – Гляньте-ка, что тут у нас.

– Когда-то оно было платьем, – отозвался другой.

– Маленьким платьем. Детским, – уточнил его собеседник.

– Думаешь?
– Ага. Похоже, эти Ориджаба – наши клиенты.

Глава 4. Кругом враги

Я давно смирился с превратностями судьбы. Сегодня ты – король положения, а завтра барахтаешься в бурном потоке событий, мечтая лишь о том, чтобы не захлебнуться и не пойти ко дну; сегодня считаешь каждый медяк в кармане, а завтра швыряешь трито горстями, ничуть не беспокоясь о том, что источник оскудеет. Жизнь полна неожиданностей; как любил говаривать Тыгуа – если ты ещё не умер, значит, всё не так плохо, как кажется.

Я проснулся под вечер. Никого из команды на палубе не наблюдалось; но напротив сидел незнакомый паренек с арбалетом на коленях… Причем – взведенным, тут же отметил я. Ржавый наконечник стрелы смотрел прямо мне в грудь. Хорошенькое дело…

Фрогские охотничьи арбалеты – пожалуй, самое распространенное у нас оружие. Теоретически, такую штуковину может соорудить любой, у кого есть нож и руки растут из правильного места: он целиком делается из дерева и верёвок. Для охоты на крупных рыб используют длинные стрелы с зазубренным костяным острием; для сухопутной дичи – короткие болты с наконечниками из железа. Когда я говорю «сухопутная дичь», то имею в виду не только животных.

Охотники бывают разные.

У фрога, что держал меня на прицеле, оружие явно не было самодельным. Крытое лаком ложе, толстый лук, обмотанный жилами, орех[1] из позвонка большой рыбы… Продукция кустаря-оружейника или мелкой мастерской, устройство не из дорогих, но вполне подходящее для умерщвления добычи, даже крупной… Особенно на такой дистанции.

Тут я внимательней присмотрелся к стрелку. Ему было, пожалуй, лет четырнадцать. Худой, жилистый, с цепким взглядом и расцарапанными коленками, всей одежды – короткие парусиновые штаны и драный жилет; типичный фрогги из низов общества. При виде него хотелось лишний раз проверить, на месте ли твои деньги – но не более того… Я хочу сказать – паренек совсем не походил на наёмного убийцу.

– Эй, малый! Тебя как звать?

Арбалет в его руках качнулся.

– Не двигайся!

– Даже и не собирался. Может, объяснишь, кто ты такой и почему собираешься меня продырявить?

– Я не… Сиди тихо, и всё будет в порядке, усек, миста[2]?

– Усёк. На кого хоть работаешь? – задавая этот вопрос, я не слишком надеялся услышать правдивый ответ, но вдруг?

---

[1] Орех – подвижная деталь арбалетного механизма, представляет собой диск с зарубкой, за которую цепляется тетива.

[2] Искаженное «мистер»

Подросток наверняка мелкая сошка – и не слишком привычен к такого сорта работе; стало быть, у меня есть шанс. Но одно дело, если он просто малолетний грабитель, и совсем другое, если посланник Даго Хеллисентиса. Я не сомневался, что сумасшедший миллионер до сих пор страстно жаждет заполучить мою голову. Вопрос только в том, как ему удалось меня выследить? Я-то был уверен, что мой визит в столицу прошел незамеченным… Досада.

– Ни на кого.

Уже кое-что…

– Эй, Морфи! С кем ты там болтаешь? – из палубного люка высунулась голова.

Девушка! Вот так сюрприз…

– Бледнокожий проснулся.

Бледнокожий… Не слишком-то вежливо: уничижительное фрогское прозвище для нас, людей. Впрочем, я и не ждал от парнишки хороших манер: не та ситуация.

– Глаз с него не спускай! Я сейчас позову Папу…

Папу, как мило! У нас тут что, семейный подряд?!

На палубу меж тем выкарабкался толстяк с арбалетом. Он-то, похоже, и был тут главным.

– Ты так сладко дрых, бледнокожий, что мы решили тебя не будить.

– Ценю вашу деликатность. Ну а теперь, когда я наконец проснулся, может, объяснишь мне расклад?

– Расклад простой, миста, – ухмыльнулся он. – Тебе ка-

кое-то время придется провести в нашем обществе. Главное, не рыпайся – и всё будет нормально, усек? Давай, перевернись на живот и заведи руки за голову. Ну, чего ждешь? Морфи, сынок, пошарь у него в карманах.

Стоит ли говорить, что вся моя собственность, кроме одежды, тут же перешла в распоряжение злодеев. Меня без лишней жестокости, но и без особых церемоний затолкали в трюм. Там, в духоте, уже маялся мой товарищ по несчастью: вахтенный матрос, пожилой фрог, единственный кроме меня оставшийся на судне, когда остальная команда ударилась в загул.

– Влипли мы, парень! – горестно вздохнул он, едва только крышка люка захлопнулась. – Это ж пираты, они свидетелей не оставляют!

– Пираты, говоришь? Непохоже…

Речное пиратство, некогда бывшее у лихих фрогов королевства Пацифида любимым видом спорта, с приходом к власти нынешнего монарха сильно сдало позиции. Его Величество всячески поощрял институт рейнджеров – охотников за преступниками; мобильные плавучие отряды практически свели на нет деятельность пиратов в столичном округе и здорово потрепали любителей лёгкой наживы в провинциях. Те, кто поумнее, перешли к более цивилизованным формам грабежа, предлагая судовладельцам покровительство – когда негласно, а когда и вполне официально, под видом охранных фирм. В столице этим бизнесом заправляло несколько

кланов фрогской мафии – и они весьма сурово относились к конкурентам. Поклонники «старой школы», как правило, жили очень недолго…

Странная компания, захватившая наш корабль, не слишком походила на классических речных душегубов. Те, настоящие, сходу отогнали бы судно в укромную бухту, быстренько избавили его от груза, а свидетелей – от необходимости когда-либо впредь свидетельствовать... Мы же лениво дрейфовали по озеру мимо многочисленных островов, составлявших южное крыло столицы. У руля, похоже, вообще никто не стоял.

– Сколько их тут?

– Целая шайка. Не успел сосчитать. Да и какая разница?

Разница могла быть принципиальной, но я не стал вдаваться в подробности. Мой сотоварищ явно пал духом: похоже, он не из тех, что сохраняют самообладание в критических ситуациях.

– Как тебя зовут, напомни…

– Кёг.

– Послушай, Кёг, я постараюсь спасти наши с тобой задницы. Но для этого хорошо бы узнать о мерзавцах побольше, понимаешь? Растолкуй, как всё было.

Он буркнул в ответ нечто невнятное и отвернулся. Интересно… Кёг вовсе не горел желанием общаться; но деваться-то ему было некуда! Мало-помалу я вытянул из пожилого оболтуса правду. Суть была в том, что парень элементар-

но прошляпил появление пиратов. Он забил на обязанности вахтенного и завалился спать в трюме, на тюках с грузом, мудро рассудив, что любой, кто попытается их украсть, неминуемо его разбудит. Мысль о том, что украсть можно и сам корабль, просто не пришла ему в голову.

Подобное легкомыслие среди фрогов – не такая уж редкость. Мои соотечественники-амфибии не просто ленивы и мечтательны; многих отличает совершенно потрясающее раздолбайство. Эта черта характера иногда служит первопричиной удивительных приключений, а то и чудес героизма – но по большей части вызывает изумление тем, что её носитель вообще умудрился дожить до своих лет. Приезжих такие пассажи вначале очаровывают, а потом начинают не на шутку доставать… К счастью, на каждую дюжину мечтателей всё-таки приходится пара-тройка здравомыслящих и практичных фрогов; на них-то у нас всё и держится… А в теперешней ситуации эта роль выпала мне.

В трюме мы просидели недолго. Решетчатая крышка люка откинулась, и внутрь заглянул уже знакомый мне Папа.

– Эй, матросы! С парусом умеете управляться?

– Сам-то как думаешь? – ответил я прежде, чем Кёг сообразил, о чем нас спрашивают.

– Расклад малость поменялся. Вылезайте наверх, и смотрите, без фокусов. Кто-то из нас всё время будет держать вас на прицеле, ясно?

Чего тут не понять. Ситуация ещё немного прояснилась.

Эти парни уж всяко не были речными пиратами. Управлять веерным парусом – не самая сложная наука, но у наших налетчиков, похоже, вовсе не было практики в этом деле.

Они немного удивили меня: я-то полагал, что тёплая компания жаждет очутиться как можно дальше от столицы. Но нет – мы плыли сквозь густеющие сумерки, огибая многочисленные островки, но не покидая пределов города. Члены шайки расположились на баке и юте, ненавязчиво демонстрируя нам с Кёгом арбалеты. Их было четверо: главарь, он же Папа, тот подросток, что держал меня на прицеле, ещё один паренек, с виду чуть помладше, и угрюмый мускулистый юнец. Этот, последний, вызывал покуда наибольшие опасения – он имел вид фрога, не привыкшего долго рассуждать, если пришло время жать на спуск. Со стороны кубрика звучали женские голоса, но ни одна из дам на глаза не показалась. Наконец, Папа решил, что мы достаточно удалились от пристани, и приказал бросить якорь.

– Значит, так, парни, – обратился он к нам. – Против вас я ничего не имею, но отпустить пока не могу. Так что давайте в трюм. И это самое – терять нам особо нечего, поняли? Не бузите, тогда всё обойдется.

Итак, снова добро пожаловать в темень, полную сомнительных ароматов … Кёг тяжело вздыхал и портил воздух во сне, я же приник к переборке – она была достаточно тонкой, чтобы можно было подслушивать. Но ничего важного о разбойниках я так и не узнал – кроме разве того факта, что на

борту находятся ещё две женщины и ребенок. Разговаривали мало; обстановка царила нервозная. Все ожидали какого-то Пиксина с новостями. Время тянулось медленно.

На следующий день нас разбудили ни свет, ни заря. Опять – взведенные арбалеты и мрачные физиономии налетчиков.

– Вылазьте. Меняем место.

Утренний бриз катил мимо нас косматые клубы тумана, переливающиеся в первых лучах солнца нежнейшими золотисто-розовыми оттенками. Зевая и потягиваясь, мы принялись разворачивать парус. Я бросил быстрый взгляд назад. Никого… И всего пара шагов до борта. Прыгнуть в воду, поднырнуть под килем, доплыть до берега – и всё: здравствуй, свобода! В этом тумане ни черта не видно. Да, конечно: ни попутного судна, ни денег, ни вещей; но этого у меня в любом случае уже нет, не так ли? Зато я буду свободен! Конечно, я обещал помочь Кёгу, но какого черта – в такой ситуации каждый сам за себя, верно? Готов держать пари, наши разбойники даже не успеют прицелиться, так что риск невелик…

Не знаю, что удержало меня на палубе те несколько секунд, но уж точно не страх схлопотать стрелу. Скорее, некая авантюрная жилка; а быть может, и подсознательная жажда реванша. Наши пленители, ну хоть убей, не тянули на грозную банду, а я ещё не успел смириться с потерей своего барахла… Может, я просто слишком долго жил вдали от Амфитриты и потерял хватку настоящего столичного парня?

Шумный всплеск прервал утреннюю идиллию. Арбалетчики с проклятиями бросились к борту, целясь наугад; впрочем, уже в следующее мгновение Папа направил оружие на меня.

– Даже и в мыслях не было, шеф! – соврал я. – Ставлю парус; всё, как вы велели!

– Теперь тебе придется отдуваться за двоих, бледнокожий! – ехидно заметил он.

– Я так и понял…

Ай да Кёг!

Управлять большим веерным парусом в одиночку – то ещё удовольствие; я тут же заработал свеженькие мозоли на ладонях... Мрачному здоровяку пришлось отложить оружие и встать у руля: я в двух словах объяснил, что надо делать. К счастью, плыть пришлось совсем недалеко. Покружив меж островов, мы остановились в таком же ничем не примечательном месте, как и первый раз. Двое подростков тут же скользнули в воду и исчезли из вида. Меня снова загнали в трюм. Ближе к полудню снаружи послышался плеск; вслед за тем по палубе зашлепали торопливые шаги – кто-то взобрался на борт. Я приник к переборке и весь обратился в слух.

***

Они встретили Пиксина там, где и условились – на пустыре, буйно заросшем колючками и гигантской осокой. Решившему прогуляться в этом месте были обеспечены многочис-

ленные царапины и мелкие порезы; но именно по причине непопулярности его и выбрали.

– Э, уроды! Пожрать чего-нибудь принесли? – ухмыляющийся «гаденыш» возник словно бы из ниоткуда, заставив Морфи и Гаса подпрыгнуть от неожиданности.

Морфи привычно поднял руку для подзатыльника… Но так и не ударил.

Пиксин, ранее вызывавший у «братцев» только раздражение, оказался прямо-таки идеальным разведчиком. На щуплого фрогги обращали внимание лишь с одной целью – не дать ему спереть что-нибудь; о том, что глаза и уши проныры всегда широко открыты, никто не думал. А слышал и подмечал мальчишка немало. Базарные торговки и бродячие продавцы сладостей; устроившиеся на обед землекопы и всяческая голытьба, переминающаяся с ноги на ногу в очереди за благотворительным супом; старьёвщики, гордо именовавшие себя антикварами – они же, по совместительству, скупщики краденого… Любимая сплетня была наготове у каждого; воздух на улицах гудел от новостей. И новости эти были тревожными.

История с похищением выплеснулась далеко за пределы Весёлых Топей. Любой сопляк теперь был в курсе, что какие-то ловкачи натянули нос едва ли не самой мрачной «персоне» трущоб. Все ждали, когда же Крост сделает ответный ход – и ждали не столько со страхом, сколько с интересом. Уличные букмекеры начали принимать ставки: шансы похи-

тителей оценивались покуда как один к десяти, но обещали рост с каждым днем.

Для Бледного такая ситуация была хуже, чем нож острый. Его авторитет держался прежде всего на страхе. Страх следовало взращивать, поддерживать, напоминать о себе пустоголовой и жадной толпе, подкармливать её отрезанными пальцами неудачников – не то она в мгновение ока пожрет тебя самого… Крост жаждал результатов, причем немедленных. Ради того, чтобы выйти на похитителей, он не только поставил на уши всю свою пехоту, но и изрядно потратился, оплачивая услуги осведомителей и вожаков уличных банд; и в какой-то момент среди прочих прозвучала фамилия Ориджаба. Потом она повторилась ещё раз, и ещё – теперь уже в числе немногих, кого фроги Бледного упустили. Круг подозреваемых сужался с пугающей быстротой; на данный момент семейка киднепперов возглавляла список разыскиваемых.

Именно об этом рассказал Пиксин часом позже, заканчивая историю своих похождений.

– Говорят, Крост посулил награду! Двадцать трито за любого из нас, и целых сто – за тебя, Папа! – разведчик перевел дух. – Но это ещё не всё! Болтают, что он послал за нами «братьев-невидимок»!

При этих словах Папа нахмурился. О «Братьях-невидимках» ползли самые причудливые слухи; но все сплетники сходились в одном: берут они за свои услуги прямо-таки баснословные деньжищи, но уж если возьмутся – достанут кого

угодно и откуда угодно! Хоть из королевского дворца, хоть из каторжной тюрьмы, хоть со дна морского.

– Вот это положеньице! – резюмировал Папа Ориджаба, когда Пиксин умолк. – Что ни день – то горячее, не так ли, дети мои? Ничего, сожмите покрепче ваши мускулистые задницы! Нам терять нечего, ясно?! Посмотрим ещё, чья возьмёт! Мы с вами уже отправили на корм рыбам пару засранцев, что мнили себя охрененно крутыми… Пиксин, сынок, у меня слов нет выразить, какой ты молодец. Теперь поешь как следует и отоспись… А нам, парни, следует решить, что делать дальше. Нужен новый план.

***

Я смог, наконец, выпрямиться и дать отдых ноющей спине. Сумрак, жара и вонь

трюма окружали меня со всех сторон. Н-да, если ближайшее время моё положение не изменится самым радикальным образом, будет печально… Хотя, в свете сказанного – изменения вполне могли произойти и в худшую сторону.

Подслушанный разговор прояснил многое, если не всё. Мои пленители перешли

дорожку одной из «персон» Весёлых Топей – и теперь с полным основанием ожидали расплаты за собственную непроходимую тупость. Бледный Крост… Мне уже доводилось слышать это имя раньше. Негодяй и подонок высшей пробы, столь же одержимый собственным «эго», как и Да-

го Хеллисентис – хотя, конечно, масштабами куда как помельче. Но если безумный миллионер давно жаждал заполучить мою голову, фроги Кроста могли прирезать меня походя, просто за компанию с остальными – ну, и чтобы избавиться от свидетеля, конечно... Собственно, то, что преступную семейку ещё не прихватили за мягкое, было маленьким чудом: готов поспорить, счет теперь идет на часы.

И ещё какие-то «братья-невидимки». Конечно, это могло быть совпадением, но… Знавал я одну парочку, как нельзя лучше подходящую под такое описание, особенно в свете всяких мистических штучек! Надо бы вытянуть из засранцев информацию; да и вообще – настала пора взять ситуацию в свои руки.

– Эй! Эй, там! Слышите меня?! – я принялся дубасить в переборку кулаками.

– Чего орешь? – над решеткой люка возникла хмурая физиономия.

– Как тебя, Роффл? Скажи вашему главному, что я хочу с ним поговорить!

– Только ему и дел, что с бледнокожим тереть…

– И всё же. Есть пара вещей, которые ему стоит знать.

Он презрительно сплюнул:

– Да ну? Что ещё?

– Так, пустячок. Но добрый совет ещё никому не помешал, а уж тем, на кого точит нож Бледный – и подавно.

– А? Что ты там бормочешь? – у юного громилы внезапно

прорезался интерес.

– Позови вашего главаря. С ним я буду разговаривать. С тобой – нет.

Изрыгнув пару оскорблений, он исчез из вида. Вполне предсказуемо. Надеюсь, у него хватит ума передать мои слова этому их Папе…

***

Шикарный пепельно-серый дино притормозил в гнусного вида переулке.

– Если хоть одна гайка пропадет, я добавлю полную стоимость машины к нашему гонорару, – бросил водитель, цепким взглядом окидывая подпирающих стены бездельников.

– Не боись. Тут её и пальцем никто не тронет, – ухмыльнулся сидевший рядом детина. – Все знают, чей это дом.

Приехавшие выбрались наружу. Двое из них имели вид преуспевающий, даже несколько нарочитый. Водитель щеголял отлично сшитым светлым костюмом и пышной астрой в петлице. Его товарищ предпочитал более темные оттенки; но покрой одежды был столь же безупречен. Он едва заметно прихрамывал, но изящная трость с серебряным набалдашником служила вовсе не для опоры – он то и дело поигрывал ею, крутя между пальцев.

Вторая парочка выглядела совсем иначе. Бандитского вида физиономии, мощные бицепсы, старые шрамы, одежда, более всего подходящая для драки – просторные штаны и

жилеты из толстой кожи. Словом, надпись «держись от меня подальше», сделанная крупными буквами и понятная каждому, кто хоть немного разбирается в языке улиц и подворотен.

Дом, возле которого припарковался диномобиль, выглядел весьма мрачно. Единственное оконце, забранное толстенной решеткой, находилось под самой крышей; остальные были давным-давно заложены кирпичом.

Они прошли тёмным коридором и очутились в небольшой комнате. Она была почти пустой – только засаленный до неприличия диван у стены и крышка большого люка в полу.

Сидевший на диване поднялся навстречу вошедшим. Глубокие складки кожи придавали его физиономии такой вид, будто он только что отведал чего-то очень кислого.

– Господа, прошу вас сдать мне оружие.

Водитель извлек из рукава плоскую кожаную дубинку. Его спутник швырнул на диван маленький кремневый пистолет. Быстрыми профессиональными движениями охранник обшарил обоих.

– Я уже и забыл, как оно бывает, – усмехнулся щеголь в темном. – Ну что, мы можем, наконец, войти?

– Не так быстро. Вашу трость, мистер.

– Это же просто безделушка, – пожал плечами тот, вручая её охраннику.

Кислолицый слегка повернул рукоять и извлек на свет узкое лезвие, покрытое темным лаком – он предохранял кли-

нок от влаги.

– Безделушка, говорите? – скучно осведомился он.

Громилы заметно напряглись.

– Ну, ну! – примирительно улыбнулся щеголь. – Вы проверяете нас, мы проверяем вас; как же иначе! Считайте это маленькой шуткой. Всегда приятно знать, что имеешь дело с профессионалами.

Кислолицый без всякого выражения смотрел ему в глаза; острое жало клинка чуть заметно подрагивало в длинных пальцах. Пауза затягивалась.

– Гм, Маринад… – откашлялся один из бандитов.

– Не надо так больше шутить, господа. Мы поняли друг друга?

– Вполне, – спокойно отозвался владелец трости. – Я так понимаю, нам сюда? – он кивнул на люк.

Лязгнула щеколда. Маринад откинул крышку. Чуть слышно плеснуло. Сквозь зеленоватую воду виднелись уводящие вниз ступеньки.

– Остроумно, – хмыкнул водитель, и помедлив всего мгновение, погрузился.

Узкий, облицованный кафелем лаз оказался довольно коротким.

– Весьма остроумно, – повторил щеголь, смахивая с гидрофобной ткани костюма бисеринки влаги и нарочито игнорируя наведенные на него стволы пистолетов. – Изящное и экономное решение. Хотя никак не могу назвать такой при-

ем, э-э… Дружелюбным.

– Всего лишь меры предосторожности, господа, – раздался из-за спин охранников елейный голос. – Знали бы вы, с какими ужасными фрогами приходится порой иметь дело! А что касается экономии – ну, денежки счет любят… Это же Весёлые Топи, господа! Трущобы, мерзкие трущобы! Приходится буквально драться за каждый ничтожный трито…

– И тем не менее, вы согласились на наши условия… Господин Крост.

– Он самый. А вы…

– Зовите меня мистер Слэп; а это – мистер Икс. Ну, а вместе мы – те самые «братья-невидимки». Итак…

– Присаживайтесь, господа, присаживайтесь… Выпьете чего-нибудь? Кофе, чай? У меня есть редкие сорта… Или вы предпочитаете напитки покрепче? – Бледный Крост приветливо осклабился – ну просто само радушие… Только весь эффект сводила на нет его внешность.

Кожу ростовщика поразил какой-то недуг. Она была очень светлой и вдобавок шелушилась; своеобычный для каждого фрога рисунок пигментных пятен почти не читался. Выглядело это отталкивающе.

– Не сочтите за грубость, но лучше сразу перейти к делу, – решительно сказал мистер Икс. – Мы, конечно, в курсе ваших, хм, затруднений… Так сказать, в общих чертах. Но хотелось бы знать подробности.

– Кто только не слышал о несчастьях старого Кроста…

Разбой, грабеж – подонки убили мальчиков моего друга Горелого, а меня лишили самого ценного: уважения… Что теперь скажут фроги? Это же тот самый Бледный, которого обвели вокруг пальца какие-то Ориджаба, скажут они; Крост-простак, Крост-дурачок…

– Расскажите о похищенном грузе, – мягко прервал его Слэп. – Это первый вопрос.

– И ещё. Говорят, ваши фроги разыскивают какую-то маленькую побирушку – и как бы не сильней желают её заполучить, чем этих Ориджаба. Кто она такая, мистер Бледный? Это второй вопрос… – тут Икс усмехнулся, вскинул глаза на Кроста и добавил: – А может, ответ на первый?

***

– … Так что вы все без пяти минут покойники, друзья мои, – резюмировал я, добавив про себя: «и я, по вашей милости, тоже». – Если переживете хотя бы эту ночь – можете считать себя счастливчиками. Но в любом случае, ваша карьера скоро закончится. Если только…

– Если только что? – недоверчиво спросил Гас.

– Если только не уберетесь прочь из столицы. Но сделать это будет чертовски сложно: насколько понимаю, пиассом никто из вас управлять не умеет, верно?

– Мы – нет. Но вот ты… – ухмыльнулся Папа Ориджаба.

– К этому я и веду, – тут я вернул ему ухмылку и цинично добавил: – Так что же вы, парни, готовы мне предложить за

спасение ваших драгоценных задниц?

– Такой пустячок, как жизнь. Нравится? – буркнул Роффл. На протяжении всего разговора он сидел с арбалетом на коленях, недобро на меня зыркая.

– Ба! Да если бы я хотел, давно бы свалил отсюда. Как тот матрос, которого вы упустили. А знаете, почему я остался? Мне сделалось интересно. Я рисковый парень, если вы ещё не поняли; особенно, если есть, ради чего рисковать. Ну как, дошло? Вам нужен не пленник, а партнер. И я готов подписаться на это дельце за равную долю. Сколько там вы взяли у Бледного?

Все взгляды устремились на главу семейства. Ориджаба-старший не спешил с ответом: он явно что-то прикидывал. Я буквально чувствовал, как скрипят его примитивные мозги. Разумеется, он не собирался со мной делиться. Скорее всего, сейчас он согласится – для вида. А дальше… Что помешает им прикончить бледнокожего, как только надобность в нем отпадет? Мне придется оставаться незаменимым как можно дольше!

В душе моей медленно, но верно просыпался азарт предстоящей схватки. Давным-давно я не испытывал этого чувства; со времен моего последнего дела, два года назад… Я победил тогда, той страшной зимой – но эта победа немногим отличалась от поражения. Я думал, что выгорел дотла – но вот на пепелище, сквозь угли и гарь, пробились свежие ростки… Посмотрим, кто кого!

– Скажи-ка, парень, – прищурился Папа. – С чего это мы должны тебе доверять?

– А какая у вас альтернатива? Ну, подумай же. Прикинь шансы.

– Кто ты такой? – внезапно выпалил Гас. – Ты непохож на простого матроса!

– Верно. Я очутился на корабле почти случайно – надо было срочно отбыть на юг. Мне ведь тоже не стоит слишком задерживаться в Амфитрите. Может оказаться чертовски вредным для здоровья, – тут я подмигнул ему.

– Чем ты занимаешься? – не отставал он.

– Проворачиваю разного рода делишки.

– Так ты вор? Или контрабандист?

– Ни то, ни другое. Но у меня есть и такие связи. Считай, я просто ловкий парень, который не упустит случая отхватить жирный куш.

– Да что вы все уши развесили? Где гарантия, что бледнокожий не сдаст нас при первой возможности! – сердито воскликнула одна из девушек, та, что побойчее.

– Я деловой бледнокожий, просекаешь? И свой кусок пирога упускать не люблю. Говорю же: хотел бы удрать от вас – давно удрал бы, – я отвечал ей, но смотрел только на Папу. – К слову, я не очень-то верю в щедрые посулы Кроста; уж больно мерзкая у него репутация.

Папа Ориджаба скрипуче расхохотался.

– Да, тебе палец в рот не клади! Ладно… Считай, ты в

доле, ловкач. Как там тебя зовут?

– Зови Ловкачом. Мне это нравится, – прищурился я. – И вот что. Равная доля, как у всех, без подлянок и оговорок!

– Идёт, парень!

– Отлично. В таком случае, я хотел бы для начала получить назад свои вещички. Раз уж мы теперь партнеры…

– Да не вопрос! Ну, кроме денег, конечно, – осклабился он. – Твои трито пойдут в общий котел… Раз уж мы теперь партнеры!

– Не возражаю. А теперь расскажи мне, чего такого ценного вы увели у душки Кроста… И кстати, я чертовски голоден. Надеюсь, твои девчонки умеют готовить?

Глава 5. Партнеры

Я не питал иллюзий по поводу разбойной семейки. У них на руках уже была кровь; одним больше, одним меньше – разница невелика. Не сомневаюсь, наше так называемое «партнерство» продлится ровно до той минуты, как у них отпадет надобность в пиассе. Потом – стрела меж лопаток и здравствуй, илистое дно какой-нибудь безымянной, поросшей камышом протоки. Не самая лучшая судьба для Эдуара Монтескрипта, частного сыщика, мнившего себя интеллектуалом… Хотя, по сравнению с папашей Ориджаба я и впрямь выглядел умником.

Идиотизм этого преступления был столь велик, что даже

талантлив. Семейка Ориджаба вляпалась в киднеппинг, как сигающий с крыши самоубийца – без оглядки и без возможности что-либо изменить. Они даже не удосужились выяснить, кому предназначался живой товар – в противном случае, уверен, Папа сразу же отказался бы от этой затеи. Мало того, он совершенно не представлял, кого именно они увели из-под носа у Бледного Кроста. И при таком вот раскладе Ориджаба-старший оставался неисправимым оптимистом!

– Не мельтеши, Ловкач! Скоро всё станет ясно, – самодовольно ухмылялся он. – Дельце должно дозреть, сечешь фишку? Когда объявятся основные игроки, мы выберем самого надежного и сделаем нашу ставку. Главное, продержаться…

– Да не выйдет у вас продержаться. Головорезы Кроста землю роют. Потом, этот пиасс наверняка уже в полицейском розыске – а плюс к тому ещё и фрогская мафия захочет душевно побеседовать с теми, кто решил возродить на её территории славные традиции речного пиратства… Черт, шеф, можно, я прямо сейчас сойду на берег и посмотрю спектакль оттуда? Просто не хочу попасть под раздачу, когда тут начнутся танцы с острым железом и пулями!

Ориджаба-старший помолчал, явно что-то прикидывая.

– Ладно. Твои предложения?

– Первое – убраться из Амфитриты. Это вроде как выдернуть голову из-под топора. Второе… Я бы поболтал с девчонкой. Узнал бы, кто её родители. Думаю, они заинтересо-

ваны в том, чтобы вернуть дочь целой и невредимой, куда больше, чем кто-либо ещё. Вот тебе и покупатели на наш товар, лучшие из всех возможных.

– Поговорить? Ха! А то мы не пытались?! Маленькая засранка тотчас забивается в угол, из неё слова клещами не вытянуть… Но знаешь, ты попробуй, вдруг выйдет. Чем только князья преисподней не шутят, – вдруг хитро прищурился он.

Да уж получше, чем у вас, грязные ублюдки, мысленно ответил я ему; но вслух сказал лишь:

– Попробую. Я обаятельный.

***

– Не нравится мне этот тип, Морфи. Уж больно скользкий, – Гас передернул плечами. – Зря Папа с ним связался, и на корабль мы полезли зря…

И вообще зря взялись за это дело, мысленно закончил Морфи. Этот монолог он слышал не в первый и, наверное, даже не в десятый раз. Постоянное нытьё «братца» уже начало понемногу доставать. Умник-то он умник, а как до дела дошло – скис, сдулся… Толку от этих причитаний! Лучше бы что дельное предложил!

А Ловкач и впрямь оказался ловок. Выпросив у хмурой Олури мелкий кухонный ножик, он в два счета соорудил из подобранного в трюме куска деревяшки и старого гвоздя волчок – и принялся с азартом его запускать. Дурацкое заня-

тие, достойное разве что несмышленой малышни – но именно оно заинтересовало их молчаливый «трофей»… Спустя пять минут пленница вылезла из своего угла; спустя десять – Ловкач учил её закручивать непослушную штуковину при помощи верёвочки… А спустя полчаса они уже вовсю болтали, не обращая ровным счетом никакого внимания на развесившую уши семейку Ориджаба.

Её звали Элин; и была она дочерью важной шишки из южных провинций – то ли очень богатого торговца, то ли вообще одного из многочисленных тамошних князьков, наместников Его Величества. Во всяком случае, своё прежнее жильё она описывала как «наш речной дворец», щебетала о слугах, выполнявших любое её желание, и «папочкиных кораблях», причаливавших прямо к уходящим в воду ступенькам дворцовой террасы... А однажды её посадили на самый большой из кораблей – и началось неспешное путешествие на север, в столицу. Каждый день на палубе играла музыка, а по вечерам актеры устраивали представления – разыгрывали сказки; «а я с нянечками смотрела»…

– Разве папа не говорил тебе, зачем вы поплыли в Амфитриту? – вкрадчиво поинтересовался Ловкач.

– Говорил! Он обещал мне вояж по лавкам вкусностей, и мы хотели попасть на карнавал… А, ещё он хотел показать мне мальчика, за которого меня выдадут замуж, когда я стану взрослой…

В этот момент семейство Ориджаба обменялось выра-

зительными взглядами. Обычай сговариваться о будущих брачных союзах был в почете среди родовитой фрогской аристократии, особенно у тех кланов, чьё влияние и богатство зиждилось на землевладении…

Жизнь маленькой Элин рухнула в один миг. Её похитили прямо из номера гостиницы – одурманили, фукнув в лицо усыпляющим газом, затолкали безвольное тельце в мешок и унесли. Очнулась она в грязном подвале. Время от времени туда приходили фроги – огромные, страшные; они тыкали в её сторону пальцами, спорили о чем-то хриплыми голосами. Она просилась домой – над ней потешались. Она плакала – на неё наорали и велели заткнуться. Её кормили объедками; ночная рубашонка, что была на ней, истрепалась и перепачкалась так, что липла к телу. Прошло много дней… Очень, очень много. Она не знает, сколько. Сначала по ночам было холодно, потом стало теплее, а потом сгустилась душная жара – из-за неё она не могла ни уснуть, ни взбодриться толком, проводя целые дни в полузабытье. А однажды её вытащили из темницы и приковали к цепи внутри большого деревянного ящика. Перед тем, как заколотить гвозди, один из тех страшных фрогов показал ей огромный нож и пригрозил выпотрошить, словно рыбу, если она издаст хотя бы один звук…

– Ну, а потом появились мы и выручили тебя из беды! – вмешался Папа Ориджаба. – Ничего, детка: уж мы постараемся, чтоб ты вернулась к своему папе! Кстати: как его зо-

вут?

– Я всегда звала его папочкой… А все остальные – господин Хойзе.

– А как звали твою маму? – поинтересовался Ловкач.

– Не знаю. Я никогда её не видела… – после этих слов девочка вновь замкнулась в себе, и бледнокожему пришлось потратить немало времени, чтобы вновь разговорить пленницу.

Дело двигалось туго. Похоже, Элин совершенно не представляла, где именно находился дворец её родителя. Ловкач достал свою карту и принялся перечислять названия южных городов; но девчонка только мотала головой. Нет, про такой она не слышала… И про такой тоже… Хотя вот, Коссуга… Да, она слышала это название много раз! И от матросов тоже; наверное, они проплывали мимо.

– Уже кое-что! – бросил Ловкач Ориджабе-старшему. – Есть предложение, компаньон. Разворачиваем парус и берем курс на Коссугу. Это самый крупный из южных городов, а главное – там никто не объявлял охоту за вашими головами. Так что мы тихо-мирно начинаем расспросы. Это Хойзе, судя по всему – важная шишка... Что скажешь?

Папа Ориджаба задумчиво выпятил губу.

– План-то, может, и хорош… Но, думается мне, есть способ попроще. Девчонку-то похитили здесь, в Амфитрите; наверняка было много шума. Разнюхаем, что да как…

Ловкач в раздражении сплюнул.

– Да пойми, наконец: то, что вас ещё не сгробастали парни Бледного – настоящее чудо! Сколько можно испытывать судьбу?!

– Не суетись, у меня всё продумано. Сегодня ночью отгоним пиасс за город, бросим якорь в какой-нибудь тихой заводи. Это дельце не для слабаков, компаньон! И выиграет его тот, у кого нервишки покрепче.

***

Мы опоздали с отплытием совсем чуть-чуть. Заходящее солнце уже наполовину скрылось за деревьями, когда стоявший на карауле Пиксин поднял тревогу. Из-за ближайших пакгаузов на полном ходу вывернула большая, битком набитая головорезами лодка с динамическим двигателем – и устремилась к пиассу; в кильватере пенного следа шла вторая, поменьше. Один из громил, встав на носу, раскручивал над головой верёвку с якорем-кошкой: нас собирались брать на абордаж.

Папа Ориджаба, Гас, Роффл и Морфи, не сговариваясь, вскинули арбалеты и дали нестройный залп. Двое нападавших с воплями сверзились в воду; киднепперы поспешно скрылись за фальшбортом – и вовремя. Спустя миг пасторальное спокойствие вечера разнесла в клочки оглушительная канонада. Пули выбивали фонтаны щепок из палубной надстройки, со смачным хрустом входили в тугие камышовые кранцы, развешанные вдоль бортов, дырявили складки

паруса. Лодка окуталась пороховым дымом; со всех сторон гремели проклятия и богохульства. Веселье началось.

Головорезы Кроста допустили ошибку, слишком рано разрядив пистолеты. Теперь им предстояла рукопашная схватка – и тут, несмотря на численный перевес, у нас имелось небольшое преимущество: борта пиасса были слишком высоки, чтобы вот так запросто перемахнуть их.

Атака бандитов застала меня на камбузе. Я бросился по узкому трапу наверх, схватил весло – это было первое, что попалось под руку, и одним взмахом отправил в воду излишне резвого негодяя. Другой, увидев занесенную над головой лопасть, предпочел прыгнуть сам. Семейство Ориджаба спешно перезаряжало арбалеты.

– Чего стоишь, ходу давай! – рявкнул на меня Папа.

Гас вдруг отложил оружие, змеёй скользнул к якорному клюзу и принялся спешно выбирать ржавую цепь. Сообразительный малый! Я потянулся к Роффлу, выхватил у него из-за пояса нож и полоснул по канату, удерживавшему тонкие реи веерного паруса. Тот с шумом распустился, захлопал – и пиасс, влекомый вечерним бризом, тяжело двинулся с места. Тут парни на моторке совершили ещё одну глупость – попытались преградить нам дорогу. Но то, что прекрасно срабатывало в узких переулках с диномобилями и повозками, на воде оказалось фатальным. Высокая скула корабля с глухим скрежетом подмяла лодку, и та опрокинулась. Проклятия и вопли взметнулись с новой силой.

На второй лодке повели себя умнее. Они держались вплотную, заходя то с одного борта, то с другого, и методично обстреливали пиасс, не давая никому подняться в полный рост. Управлять парусом в таких условиях было нельзя. К счастью, у моих компаньонов имелась возможность пускать стрелы из укрытия. Роффл и Морфи ухитрились зацепить ещё парочку негодяев – спрятаться в битком набитой лодке было негде, и киднепперы стреляли, практически не целясь. Ребята Кроста поняли намек и приотстали. Роффл, грозно сопя, отобрал у меня нож.

– Неплохо, дети мои, неплохо! – пророкотал Папа Ориджаба. – Вот мы и показали засранцам, почем фунт дыма! Теперь они… А-а-а-а-а!!!

Что-то тёмное неуловимо быстро прошило воздух. Папа рухнул навзничь и принялся кататься по палубе, схватившись за окровавленное лицо и громко вопя. Морфи выстрелил навскидку, но не попал: бандит, зацепившийся за борт снаружи, секундой раньше сиганул в воду. На миг наши глаза встретились. Ох, и нехороший у него был взгляд: цепкий, запоминающий – и ни капли страха…

Лодка с парнями Кроста упрямо держалась неподалеку, но приближаться, похоже, не собиралась. Ждут подмогу? Возможно… Пиасс миновал череду пакгаузов и вышел на открытую воду. В этом месте озеро расширялось, становясь слишком глубоким для насыпных островов и свайных построек. Я взял новый курс: не строго на юг, а немного запад-

нее. Дальний берег казался сплошной тёмной линией; но я знал, что это не так. Система больших и малых озер, посреди которых была выстроена Амфитрита, плавно переходила там в заболоченную равнину – но прежде того превращалась в лабиринт мелких островов и мангровых рощ, растущих прямо из воды. Солнце уже почти зашло; ночью, если удастся не посадить пиасс на мель, будет шанс оторваться от преследователей – хотя бы на несколько минут. Этого хватит, чтобы доплыть до берега и скрыться в густых зарослях. Мои компаньоны, если только они не совсем идиоты, последуют моему примеру. Плевать на корабль: мертвецам он ни к чему. Ну, а дальше – посмотрим. Может, ухитрюсь сдать всю эту милую компанию полиции, тем более что главарь, похоже, выбыл на некоторое время из строя…

Хрясь! Пуля прошила воздух возле самого моего уха – и засела в мачте. Судя по калибру – мушкетная… Непередаваемо мерзкое ощущение. Я бросился на палубу ничком – и правильно сделал: спустя мгновение над водой раскатисто грянул ещё один выстрел.

Наивно было думать, что после первой отбитой атаки нас оставят в покое. Кто-то из фрогов Кроста сообразил, что охотничьи арбалеты не чета по дальнобойности пороховому оружию, и теперь они обстреливали нас издалека. Сейчас экипаж потонувшей лодки раздобудет ещё одну посудину, и вот тут всем нам крышка, сообразил я. Стрелки просто не позволят никому высунуться, покуда абордажная команда

не заберется на палубу, а потом нас просто сомнут числом. Да и какие из моих компаньонов бойцы – разве что Роффл чего-то стоит в рукопашной… Тот, кто командовал негодяями, здорово лопухнулся. Если бы они поступили так с самого начала, мы бы уже отправились на корм рыбам; причем, учитывая репутацию Бледного Кроста, это была бы далеко не самая печальная участь! К сожалению, у них имелась возможность исправить свою ошибку.

Я уже приготовился продать свою жизнь подороже, когда над озером разнесся долгий, тягучий звук полицейской сирены. Головорезы Кроста отреагировали незамедлительно. За кормой лодки вспух пенный бурун; заложив вираж и набирая скорость, она двинулась прочь. Выруливший из-за мыса полицейский катер, заметив удирающих, припустил следом. С его борта что-то прокричали в мегафон – громко, но неразборчиво; в ответ грянул мушкетный выстрел. Прекрасно, просто прекрасно! Похоже, у фрогов Бледного любовь к огнестрельному оружию традиционно конфликтует со здравым смыслом. С катера открыли бодрый ответный огонь: полицейские очень не любят, когда в них начинают палить. Теперь стражи закона и бандиты будут некоторое время заняты исключительно друг другом…

Спасительный берег приближался отвратительно медленно. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда мы вошли в одну из проток между островами. Я сложил парус, оставив развернутыми лишь пару секций. Скорость упала до

минимума, но мы всё же продвигались – до тех пор, покуда сумерки не сгустились настолько, что я перестал различать берега. Пришлось бросить якорь. Бортовых огней, естественно, мы не зажигали: опасно, но что поделать – обнаружить себя куда опаснее… Настала пора выяснить, что там с моим компаньоном.

Раненого спустили в кубрик. Татти и Олури хлопотали возле лежанки; оттуда время от времени доносились жалобные стоны. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять: дела у Папы Ориджабы идут неважно.

Правую половину его лица скрывал здоровенный комок окровавленных тряпок. В спертом воздухе смешивались запахи сгоревшего светильного масла, крови и дёгтя: Олури развела в воде дегтярную мазь – единственный антисептик, который был под рукой. Что ж – лучше, чем ничего. Я осторожно убрал с лица Папы тампон и присвистнул. На месте глаза зияла жуткого вида дыра, сочащаяся кровью и слизью. В скудном свете масляной коптилки она смотрелась особенно устрашающе.

– Боюсь, глаза ты лишился, компаньон. Радуйся, могло быть и хуже.

Ответом мне был долгий стон и неразборчивое проклятье.

– Промывайте рану почаще, – сказал я девочкам. – И повязку меняйте. Кстати, чем это его?

Татти кивнула на столешницу. Там валялся короткий и толстый железный прут, изогнутый в форме латинской «S».

Оба конца были тщательно заострены. Интересно… Я слышал о таких штуках. Метательный крюк – экзотика, инструмент и оружие полумифического клана наёмных убийц... И один из этих парней – на службе у Бледного. Плохая новость. Если хотя бы десятая часть того, что плетут о них, не выдумка – надо держать ухо востро. Я вспомнил холодный взгляд метателя. С такого, пожалуй, станется выследить нас в ночи, забраться на борт и перерезать всех сонными.

– Значит так, компаньоны. Вахту будем нести по двое. Оружие всё время держать под рукой. Ну и: не спать, огня не зажигать, рот держать на замке – это, надеюсь, понятно? Роффл, Татти – вы первые. Потом…

– Э, бледнокожий, ты чего это тут раскомандовался? – хрипло осведомился сидящий на корточках Роффл.

– А что, есть возражения?

– Допустим, есть!

Я шагнул к нему. Юный фрог неторопливо выпрямился; под пятнистой кожей заиграли мускулы. Ладонь его, словно невзначай, легла на рукоять ножа.

– Хорошо, принимается. Теперь ты главный. Давай, командуй, – я не спускал с него взгляда. – Ну? Что молчишь?

– А не пошел бы ты…

– Прекратите, вы оба! – вдруг рявкнула Олури. – Нашли время! И ты, Роф, не лезь в бутылку; он дело говорит.

– Вторая пара – Олури и Гас. Пиксин, Морфи – вы следующие.

– А сам ты, выходит, всю ночь дрыхнуть будешь! – сплюнул Роффл.

– Верно. А знаешь, почему? Как только начнет светать, мы снимаемся с якоря. И чем больше километров мы оставим за кормой, тем лучше; а парусом умею управлять только я. Теперь дошло, умник?

Роффл сердито засопел – но возражать не стал.

– Куда ты хочешь плыть? – поинтересовался Гас.

– На юг, как я и предлагал с самого начала. В Амфитрите нам делать нечего.

– Папе нужен врач! – хмуро буркнула Олури.

– Проклятье, знаю! Но в город возвращаться нельзя. Попробуем найти кого-нибудь ниже по течению…

Я прихватил соломенный матрац и расположился на плоской крыше палубной надстройки: от царивших внизу ароматов уже подташнивало. Сон пришел не сразу. Некоторое время я прокручивал перед мысленным взором события этого дня – словно киноленту. Подонок, авантюрист и начинающий киднеппер Ловкач действовал неплохо; во всяком случае, Эдуар Монтескрипт не увидел в его поступках явных ляпов. Папа Ориджаба на время выбыл из игры; остальная семейка не представляла, что делать дальше – а значит, им поневоле придется мне довериться. Завтра мы двинем на юг, оставив позади худшие из проблем; а к тому моменту, как пиасс достигнет Коссуги, я что-нибудь придумаю. В противном случае, придется разыскивать господина Хойзе и его

речной дворец – которых, скорее всего, не существует в природе.

Девчонка лгала. Причем совсем не так, как ожидаешь от ребенка её возраста, а обдуманно и хладнокровно. Эта пигалица обвела вокруг пальца семейку Ориджаба – и обвела бы меня, если бы не давняя сыщицкая привычка вслушиваться в манеру речи. В обыденном разговоре она употребляла простые словесные конструкции; историю же своего похищения словно читала с листа: красиво, гладко… И почти не выказывая эмоций. И потом – «вояж по лавкам вкусностей», «усыпляющий газ»… Кстати – ей действительно семь, или около того? По виду, конечно, так…

А ведь ей не просто хотелось сбежать подальше от столицы, внезапно подумалось мне. Девчонка ненавязчиво указала нам путь… Да нет, что за мысли лезут в голову: она же ребёнок, просто ребёнок! Который умеет мастерски лгать, да, ну и что с того? И за которого Бледный Крост – не самый милый из городских обитателей, почему-то отвалил кучу денег другому негодяю… Кто же ты такая, малышка Элин?

***

Роскошный пепельно-серый диномобиль проехал по короткому мостику, перекинутому через канал, и притормозил. Клаксон продудел замысловатую мелодию. Ворота медленно отворились. Диномобиль въехал внутрь. Гараж, из-за странной прихоти бывшего владельца виллы, находился в

центре дома – там, где обычно располагается гостиная. Слэп вышел и с наслаждением потянулся. Тишина, прохлада, зеленоватый утренний свет, сочащийся сквозь толстое остекление крыши – что ещё надо фрогу для счастья?

– Как обстоят дела у нашего патрона? – в голосе говорившего звучала легкая насмешка.

– А! Ты, конечно, уже прослышал о перестрелке! Интересно, откуда? По-моему, ты наружу и носа не высовываешь; мотаться по городу всё время приходится мне!

– У меня свои методы, – невозмутимо парировал мистер Икс. – И потом, важен результат, а не количество затраченных усилий… Так что, господин Бледный, полагаю, рвет и мечет?

– О, да! Его фроги хороши, когда речь идет о запугивании должников; ну, а в этом деле они крупно облажались. Устраивать разборки со стрельбой, да ещё потом палить в полицейских – совершеннейший моветон…

– Чего ещё можно ждать от тупых головорезов!

– Ну, по крайней мере один из них чего-то стоит. Тот парень, что обратил внимание на твою трость.

– Его кличка Маринад. Да, верно, это серьёзный малый. Я навел справки – мастер боевых искусств, правая рука Кроста, и всё такое. За ним стоит приглядывать, пока мы имеем дела с ростовщиком.

– Стоит – значит, приглядим… – Слэп потянулся. – У нас есть чего-нибудь выпить?

– Бурбон подойдёт?

– Вполне!

Братья устроились в кабинете. Неторопливо потягивая «Джим Бим», Слэп принялся рассуждать:

– Всё-таки бледнокожие привнесли в нашу цивилизацию поразительные новшества. Заметь, я сейчас имею в виду отнюдь не напитки, да и вообще не товары – к слову, не так их и много! Я говорю об идеях. Ты задумывался когда-нибудь, кем бы мы с тобой были, если бы не эта раса, их история, их стиль жизни, их…

– Синематограф, – закончил мистер Икс. – Ну, полагаю, мы всё равно выбились бы в те круги, где пьют дорогой алкоголь и спят с роскошными женщинами. Культура иммигрантов привнесла в нашу жизнь некий особый лоск, согласен. Ведь даже Его Величество был очарован Метрополией…

– Я не о том, – покачал головой Слэп. – Да, конечно, энергичные ребята вроде нас в любом случае пробились бы наверх. Но это «наверх» – понятие весьма относительное. Допускаю, что сложись обстоятельства иначе – ты всё равно стал бы высококлассным киллером, а я – великолепным бодигардом; но вполне вероятно, что на этом бы всё и закончилось. У нас не было бы такого… Масштаба.

– Может, ты и прав, а может – и нет. Что толку гадать. Сам знаешь – я фрог конкретный, – усмехнулся мистер Икс. – Давай лучше вернемся к нашим делам. Что тебе удалось разузнать?

Слэп покатал во рту огненный напиток, с удовольствием проглотил, прищелкнул языком.

– Я скажу так: пока в этом деле самое интересное как раз то, насколько мало мне удалось разнюхать. Это какая-то большая игра, старина. Мне, к сожалению, не удалось отследить её историю достаточно глубоко; элементарно не хватило времени. Могу только сказать, что дней пятнадцать назад к некоему Макасуме Эдейлойги, более известному как Горелый, обратились анонимные фроги.

– Тот самый Горелый? – уточнил мистер Икс. – Работорговец?

– Клан Эдейлойги поставляет женщин в столичные лупанарии на протяжении пяти поколений; но не только. Если тебе нужен живой товар и ты готов платить, вы найдете общий язык. У них там что-то вроде биржи. Работают по предзаказу. Сам Горелый выступает в роли посредника, так что прихватить его непросто. Да никто особо и не стремится, по правде говоря: все заинтересованные стороны имеют свой кусок пирога. В общем, те фроги просили найти покупателя на девчонку лет семи.

– Ребёнок? Ни один владелец борделя в здравом уме не станет связываться…

– В столице полно богатых извращенцев. Впрочем, мне кажется, тут что-то другое. Сам понимаешь, болтуны в этом бизнесе долго не живут – но по некоторым репликам я сделал вывод, что сумма была большой… Ненормально большой.

В общем, они заключили сделку. Горелый получил девчонку, после чего принялся подыскивать клиентов на свой товар. Ему удалось заинтересовать парочку *персон* – и те тотчас вцепились друг другу в глотки. Говорят, случилась знатная бойня…

– Странно. Почему я об этом не слышал?

– Весёлые Топи, старина. Полицию никто и не подумал вызвать, а в вопросе избавления от трупов местные давно стали виртуозами. И тут Горелый занервничал. К этому типу так просто не подберешься, конечно – но очко у него заиграло.

– К любому можно подобраться, – уверенно сказал мистер Икс. – К лю-бо-му.

– Вот и он так подумал. И не нашел ничего лучше, кроме как объявить аукцион: кто даст больше.

– Ты упустил самое главное. Чего в этой девчонке такого? Она что, усыпана бриллиантами?

Слэп несколько смущенно развел руками.

– Похоже, как раз эта информация распространялась… Весьма избирательно. Будь у меня больше времени, я бы, конечно, докопался до ответа. Пока ясно одно: Горелый смог убедить *персон* в её ценности.

– Я понимаю, если бы речь шла о золоте… Или даже о какой-нибудь редкой старинной вещице, по слухам, приносящей удачу – эти дурни порой чертовски суеверны. Но ребёнок? – мистер Икс покачал головой. – Единственное, что

приходит мне в голову – это выкуп. Ты, конечно, проверил?

– Опять же – насколько успел. Последнее время никаких громких похищений не было.

– С другой стороны, родственников могли вынудить к молчанию.

– В этой версии есть одно слабое место, – Слэп плеснул себе ещё бурбона. – Весёлые Топи – вещь в себе… Это не просто район на окраине. Это маленькое государство. Свои законы, свои обычаи – ты же знаешь. Подозреваю, Его Величество терпит Топи, как терпят отхожее место на деревенском подворье – подальше от дома и где-нибудь в кустах, чтобы глаза не мозолило.

– Князья преисподней, какая сочная метафора! – насмешливо бросил Икс.

– Нет, серьёзно. Если тамошняя публика начнет тревожить приличные районы, терпению Джаги Первого вполне может настать конец. И все это прекрасно понимают, особенно *персоны.* Они не стали бы рубить сук, на котором сидят. Помнишь детскую дразнилку? Глазами смотри, но руками не трожь! В болоте родился, в болоте помрешь!

– Никогда не стоит недооценивать фрогскую жадность… Как бы там ни было, но Бледный Крост решил, что игра стоит свеч.

– Ага. Только вот приз увели у него из-под носа некие Ориджаба.

– О них ты что-нибудь разузнал?

– Мелкие авантюристы, – махнул рукой Слэп. – Просто удачливые засранцы; но их удача закончится сразу, как только мы вступим в игру.

– И здесь возникает один нюанс! – мистер Икс поднял кверху палец. – Наш наниматель отчего-то решил, что может обойтись своими силами; и мне это не нравится. Если уж вызвал «братьев-невидимок», будь любезен – положись на их профессионализм, расслабься и жди, когда тебе доставят товар на блюдечке! Думаю, пришла пора напомнить Кросту об этом.

– Если хотя бы половина того, что болтают о Бледном – правда, он и слушать не станет.

– Я имел в виду, *напомнить*, – последнее слово Икс выделил особой интонацией.

Слэп рассмеялся.

– А! Ну что ж; он и впрямь оказался чересчур резвым. Провалиться мне в преисподнюю – если бы его ребята сделали всё тихо и по уму, мы вполне могли лишиться гонорара!

– Вот-вот. Терпеть не могу такие ситуации.

Глава 6. Профи и дилетанты

Спалось мне, прямо скажем, неважно. Стоило только провалиться в дрему – как тут же начинала чудиться полная головорезов лодка, бесшумно подплывающая к нашему пиассу. Я судорожно шарил вокруг в поисках чего-нибудь, что со-

шло бы за оружие – и просыпался. Вовсю стрекотали цикады, над головой проносились алые и зелёные искры летающих светлячков, тихонько шуршали в тростниках мелкие твари, едва слышно поскрипывала палуба под ногами караульных, изредка из чрева корабля доносились протяжные стоны – Папа Ориджаба оплакивал потерянное око…

В путь мы тронулись ещё до рассвета – как только я понял, что могу различить в редеющей тьме собственную руку. Ветра почти не было, так что приходилось подгребать веслами. Длинные и неудобные, они были предназначены для маневрирования у причалов, а не для долгой гребли. Невыспавшиеся Роффл и Морфи тихо, но злобно ругались: лопасти то и дело вязли в илистом дне, либо цеплялись за подводные коряги. Наконец, мы покинули усеянные корнями и мелями прибрежные воды. Я развернул парус, ловя слабые, будто вздох умирающего, дуновения. С каждой минутой светлело. Ветер посвежел; висящая над водой дымка задвигалась, свиваясь в прихотливые спирали. Туман в Амфитрите – обычное дело; корабельная публика его недолюбливает – но я бы много дал, чтобы этим утром он был погуще. Увы – последние призрачные пряди вскоре развеялись. Из-за горизонта неторопливо выползал солнечный диск.

Погоня обнаружила себя не сразу. Время близилось к полудню, когда далеко позади, среди мельтешения солнечных бликов, возникло тёмное пятнышко и стало быстро приближаться. Я выругался. В этот час на реке было уже довольно

оживленное судоходство; но я как-то сразу почуял угрозу, исходившую именно от этой моторки. Предчувствие не обмануло: поравнявшись с нами, сидевший на корме плюгавый типчик сбросил обороты винта, окинул пиасс внимательным взглядом, заложил вираж и, вновь набирая скорость, умчался обратно. Я поспешил разбудить компаньонов.

– Дамы и господа, подъем! Веселей шевелите задницами: наши вчерашние друзья скоро нанесут нам визит. Предлагаю пристать к берегу и высадиться полным составом. Я застопорю руль и пущу пиасс дрейфовать; это даст нам некоторый выигрыш во времени. Если повезет, ветер утащит его подальше, может даже, за несколько километров. Но уходить надо быстро: на всё, про всё у нас – четверть часа, не больше.

– Протри глаза, бледнокожий! Здесь берега – сплошное болото; нам и спрятаться-то негде!

Роффл отчасти был прав. Справа и слева простирались до самого горизонта пологие равнины. Лишь изредка их однообразие нарушали купы невысоких деревьев, прозрачные тростниковые рощицы и бочажки стоячей воды. Выбирать, однако, не приходилось.

– Предпочту провести этот день по шею в болотной жиже – лишь бы не в компании Бледного Кроста. Мне все части тела дороги, лишних как-то не завалялось. Ну, чего замерли? Давайте, собирайтесь!

– Папа идти не может, – буркнула Татти. – Рана воспалилась.

– Ноги-то он переставлять в состоянии?!

– Сказано тебе – нет! – гаркнула вдруг Олури. – У него жар и, похоже, бред. А теперь марш на палубу, и выжми из этого корыта всё, на что оно способно!

На языке у меня вертелось с полдюжины колких ответов, но я промолчал. Что толку ругаться? Она и сама всё прекрасно понимает.

Я снял с пожарного щита выкрашенный красной охрой топор, опробовал пальцем остроту лезвия. Тупее некуда. Ладно, мне не строевой лес валить; для того, чтобы расколоть пару-другую черепушек, хватит и этого. Конечно, я предпочел бы мачете – но на пиассе его не нашлось. Здесь вообще не было многого необходимого, начиная с хорошего мотора. Хотя, если подумать – зачем он судовладельцу? Такая штука удваивает стоимость пиасса, а выигрыш во времени пути не столь уж велик. Динамические двигатели работают в зоне действия ретрансляторов, а их сеть, если не считать трасс летающих кораблей, перекрывает только столицу и ближние пригороды…

Я замер, пораженный собственной мыслью. Стоит нам покинуть контур поля, и моторные лодки уже не страшны; а на вёслах… Что ж, пускай посоревнуются с парусом!

– Эй, в кубрике! Свистать всех наверх!

– Крост?! – ахнул Морфи, выпрыгнув на палубу с арбалетом наизготовку. – Где?!

– Пока ещё нет. Отложите на время оружие и слушай-

те. Нам сейчас нужны любые полотнища – лучше, конечно, большие. Одеяла, матрасы… Плетеные циновки тоже подойдут. Сшиваете и крепите… Здесь и вот здесь. Что? Ради всех князей преисподней, да чем хотите! Не найдете каната, снимайте с себя исподнее. Живее, живее! Нам надо во что бы то ни стало увеличить площадь парусов, ясно?

До них всё же дошло, чего я хочу, хоть и не сразу. Закипела работа. Полученный результат, должно быть, заставлял хвататься за животики экипажи всех встречных судов; но нам было плевать! Скорость пиасса и впрямь несколько увеличилась: по обе скулы вскипали теперь маленькие пенные буруны.

По самым оптимистичным подсчетам, мы подошли уже к самой границе динамического поля; но я позволил себе немного расслабиться лишь часа через три. Уже ясно было, что Бледного и его головорезов что-то задержало; таким образом, мы получили небольшую фору. Её надо было использовать с толком. Пришло время свериться с картой.

На этом участке река текла по равнине, закладывая плавные широкие петли. Редкие деревни жались к воде: рыболовство в наших краях проще и выгоднее земледелия. Дальше, примерно в четырех днях пути, реку пересекала одна из динамических трасс – их сеть опутывала Пацифиду, поставляя энергию летающим кораблям. Имелась и небольшая посадочная станция, прямо на берегу. Не очень хорошая новость: здесь нас могли перехватить. Я расправил бумагу, вы-

сматривая обходные пути. Проток-то много, но все они исчезают среди болот; похоже, перекрестка не миновать… Ладно, что-нибудь придумаем. В конце концов, на этом пиассе свет клином не сошелся, пересядем на другой корабль – и будем в безопасности… На меня упала чья-то тень. Подняв глаза, я увидел Олури. Губы девушки были сжаты в нитку.

– Ему всё хуже, Ловкач. Мечется, бредит. Можешь чем-нибудь помочь?

– Каким образом? Мы ведь даже толком не знаем, что с ним. Возможно, на крюке был какой-то яд?

Я быстро прикинул, чем обернется дело, если Папа Ориджаба отправится к князьям преисподней. Скорее всего, Роффл, на правах старшего, попытается навязать свою волю остальному семейству. Беда в том, что мозгов у парня меньше, чем у инфузории. Все это понимают, но если дело дойдёт до открытого конфликта – поддержат его, а не меня: семья есть семья… И думаю, долго ждать не придется: настроен юнец весьма агрессивно.

– Попробуем найти доктора или шамана в ближайшей деревне.

Легче сказать, чем сделать… Первое поселение встретилось нам лишь спустя три часа – но ни там, ни в следующей деревне лекаря не было.

– Куда же вы обращаетесь, если прихворнете? – поинтересовался я у сморщенного, словно сушеный гриб, старичка, удившего рыбу с маленькой пристани.

– Ниже по течению плавучка, там тебе и доктор, и прочие удовольствия… – он тоненько захихикал, отдавая должное собственному, ускользнувшему от меня, юмору.

– Что за плавучка? – крикнул я, но он лишь махнул рукой – мол, что толку объяснять, сам увидишь…

Так и получилось. День уже клонился к вечеру, когда за очередным поворотом нам открылась необычная картина. Больше всего это напоминало придорожную таверну: приземистое строение с кривовато намалеванной вывеской; вот только стоял дом не на берегу, а посередине реки – на здоровенных поплавках, вроде тех, что используют военные для понтонных переправ. Около десятка разнокалиберных лодок покачивались на мелкой волне возле дощатого настила, окружавшего дом по периметру; из-за угла выглядывала корма небольшого пиасса.

Остроумно. Никакого тебе земельного налога, и каждый день полно клиентов – здесь постоянно курсируют караваны судов, а кому захочется терпеть до столицы, если промочить глотку можно прямо сейчас? Злачное местечко… Эту мысль стоило додумать до конца, но в тот момент меня куда больше беспокоили другие вещи. Да и был ли выбор?

Доктор и впрямь нашелся. Местное светило медицины с трудом держалось на ногах; а уж разило от него, как от пивной бочки – но это было лучшее, что могла нам предложить таверна.

– Не знаю, что и сказать, сынок, – рассеянно ответил он

на мой вопрос. – Горячка… Говоришь, сам себя ранил?

– Да, стрелой. Хотел поохотиться на мелководье, стал заряжать – и вот… – просвещать доктора относительно истинной причины увечья я, конечно, не стал.

– Потерять глаз – дело скверное, – тут он рыгнул, деликатно прикрыв рот перепончатой ладошкой. – Может, и сепсис… У меня есть кой-какие антибиотики, вколю ему… И ещё морфий. Но сам понимаешь, сынок: лекарства нынче недешевы.

– Да, конечно. Олури, заплати ему…

Где семейство Ориджаба хранит свои (и мои) сбережения, я, конечно, не знал. Олури вышла – и спустя минуту вернулась. Едва глянув на её лицо, я понял: что-то случилось.

– Вот. Этого хватит? – глаза девушки метали молнии, но говорила она подчеркнуто ровным тоном.

– Вполне. Ну что ж, надо промыть рану. Нужна горячая вода – и побольше чистых тряпок для перевязки…

– В чем проблема? – поинтересовался я, едва мы покинули кубрик.

– Этот придурок Роф… Взял у Татти деньги и отправился в бар, скотина!

Я чертыхнулся.

– Послушай, его нельзя оставлять одного. Дай мне несколько монет, пойду присмотрю за ним.

– Он тебя и слушать не станет!

– В крайнем случае, напою его и притащу обратно.

– Ладно… Постарайся только обойтись без драки, – она сердито фыркнула.

Народу в таверне было даже больше, чем я ожидал. Я сразу приметил парочку компаний, от которых стоило держаться подальше: самую шумную, сдвинувшую пару столов в центре помещения – и нескольких хорошо одетых мускулистых ребят, что-то тихо обсуждавших в самом дальнем и тёмном углу. Роффл взгромоздился на табурет у стойки; перед ним стояла оловянная кружка и кувшин тростникового эля. Да уж, будь Папа на ногах – вряд ли позволил бы кому-то из сыновей вот так расслабиться. С одной стороны, у парня имелись веские причины надраться… Как и у всех нас; но черт побери, для начала стоило бы удостовериться, что мы в безопасности!

– Мне то же, что и ему, – бросил я, непринужденно усаживаясь рядом. Юнец одарил меня тяжелым взглядом. Да, не так-то просто будет увести его на корабль!

– Откуда путь держите?

– Из столицы, приятель. Тянем смолу и доски, да считай трюм наполовину пустой – не лучшие времена… – отчасти это было правдой: такой груз на борту имелся. – Шкип капитально посрался с заказчиком, и теперь мы везём всё это барахло обратно.

– Легче было сбагрить его в Амфитрите, не?

– Это тебе только кажется. И потом, если уж нашему старику что-то втемяшится в голову… – я махнул рукой. – Лад-

но, мне-то что. Лишь бы платил вовремя.

– Давно с ним ходишь?

– Да уж года два…

– Что-то я тебя раньше тут не видел.

– Обычно мы держим курс строго мимо твоего шалмана. Шкип не одобряет, – тут я подмигнул. – Но он тут прихворнул малость, и я остался за старшего.

– Вашего брата, людей, не часто среди речников встретишь. Богатенькая публика…

– Кому подфартило в жизни, а кому и не очень, знаешь ли! – я сделал добрый глоток эля и поморщился. Пойло отдавало затхлым; похоже, у здешних завсегдатаев непритязательный вкус. – Это везде так: хоть у фрогов, хоть у людей.

– Ага… Чего это твой приятель такой мрачный? – поинтересовался бармен.

– Да так, не обращай внимания – с девчонкой своей повздорил… – тут мне пришла в голову замечательная мысль. – Лучше плесни ему что-нибудь покрепче этой кислятины. Ром у тебя есть? Хотя нет, знаешь… Налей только мне. Молод он ещё для настоящей выпивки.

Вот так; всего несколько слов – и дело было сделано. Роффл сплюнул мне под ноги, но до реплики не снизошел, лишь сумрачно потребовал рому – «и не на донышке, как этому бледнокожему ублюдку, а полный стакан»! Вкупе с тростниковым элем смесь получалась абсолютно убойная; мне оставалось только дождаться, когда его свалит с ног. Свою пор-

цию я лишь немного пригубил – и, улучив момент, тихонько выплеснул под стойку. Развезло юнца почти сразу: рисунок пигментных пятен на коже потемнел от прилива крови, на лбу выступили бисеринки пота. Я с любопытством наблюдал за ним.

Кто-то из сидевших за дальним столиком окликнул бармена. Тот ненадолго отошел, но почти сразу вернулся – и тут же плеснул нам ещё.

– За счет заведения. Хочу, чтоб вы почаще ко мне заглядывали, – он ухмыльнулся. – Может, в следующий раз уговоришь своего шкипа промочить горло.

Роффл крепко сжал стакан, и, залпом его осушив, уставился на меня мутными глазами.

– Ну, Ловкач! Ч-чего ждешь? Кишка тонка?

Пожав плечами, я сделал глоток. Хм, недурно! Этот ром был куда лучше: похоже, настоян на каких-то пряностях.

– Хорошая штука! Чего сразу не налил?

– Это для особых клиентов. Пойло не из дешевых. Не всем по карману.

Опьянение пришло внезапно – но не подкралось, как обычно, а обрушилось на голову сразу, мягкой, но тяжелой кувалдой. Так не бывает даже от самого крепкого алкоголя, если только в него не добавили… Добавили… Знаю я парочку местных травок…

Звоночек тревоги с трудом пробился сквозь гулкое отупение. Я сполз с табурета, подхватил обмякшего Роффла и

направился к выходу. Комната плясала и кружилась.

– Ну вы и набрались, ребята! – добродушно пробасил чей-то голос над ухом; одновременно я почувствовал железную хватку незнакомца. – Давайте-ка, поможем вам – а то ещё сверзитесь со сходней.

Я теперь воспринимал окружающий мир словно сквозь длинную шерстяную трубу – поле зрения сузилось до нескольких градусов, звуки сделались приглушенными, зато громко, почти оглушительно шумела в ушах кровь. Под ногами пружинили доски – кажется, нас действительно вели на наш пиасс… Или на какой-то другой? В тот момент мне было решительно всё равно. Хотелось только одного: чтоб эти крепкие пальцы прекратили меня удерживать. Чтоб можно было, наконец, лечь и погрузиться в мягкое сонное блаженство…

***

Бледный Крост выслушал сбивчивый доклад громилы и сокрушенно покачал головой. Другой бы на его месте дал волю ярости, но ростовщик никогда не позволял эмоциям вырываться наружу. Он всегда был дружелюбен и ласков – даже если в этот момент собственноручно выпускал своей жертве кишки.

Отпетые головорезы переминались с ноги на ногу. Никто не знал, в какую причудливую форму выльется на этот раз гнев патрона. Однажды, в похожей ситуации, он долго и вроде бы добродушно выговаривал облажавшемуся бандиту – а

в конце своей речи достал из-под стола пистолет и прострелил ему коленную чашечку. Лишь Маринад выглядел невозмутимым – впрочем, он всегда так выглядел.

– Значит, сначала какие-то неизвестные мерзавцы продырявили дно вашей моторки, верно? А как такое могло случиться, ведь Мутный и Нос всё время ошивались на пристани? Мутный, мальчик мой, ну что ты молчишь?

– Шеф, клянусь преисподней, мы это… Мы всё время были там, ни единая живая душа…

– А потом, когда Ушастик вернулся с добрыми вестями, у его лодки вдруг сдох двигатель, – перебил Крост, ласково улыбаясь; но при виде этой улыбки Ушастик побледнел и попятился. – Вот прямо так взял – и сдох, в самый неподходящий момент, да? А почему вы не взяли другую лодку? Любую, которая была поблизости? Может быть, виной всему ваша излишняя деликатность, а? Ваша тонкая натура, которая не позволила вам вот так бесцеремонно воспользоваться чужой собственностью?

– Нет, мы это… Сразу же взялись за дело, но, это… Короче, началась какая-то чертовщина…

– У двух ближайших лодок оказались сломаны моторы, – подал голос Маринад. – Третья была на толстой цепи. Мы раздобыли ножовку, и Ушастик стал пилить. Потом он остановился передохнуть – всего на минуту; да только ножовка куда-то запропастилась. Тогда мы решили вырвать крепление. Но тут к пристани подрулил полицейский патруль, так

что пришлось срочно сматываться.

– Ну, хоть на этот раз обошлись без стрельбы? Что за невезение, а? Просто злой рок какой-то! И вы никого не видели поблизости? Даже ты, Маринад? – блёклые глаза Кроста уставились на телохранителя. Тот выдержал взгляд, не дрогнув.

– Всё так, шеф. И это меня очень беспокоит.

– Совпадения… Нелепые, ужасные совпадения… – пробормотал Крост. – Ты веришь в совпадения, а?

– Нет, шеф. Кому-то очень не хотелось, чтобы мы прихватили Ориджаба… И я ещё не рассказал самого интересного. На их пиассе был какой-то бледнокожий.

– Что-о?! Бледнокожий? Ты уверен?

Громилы тут же загомонили наперебой: да, был, и чертовски ловкий, сбил веслом Ушастика и Малыша Гу, зато Соленый едва не снес иммигрантишке его уродливую башку – промазал самую малость…

Крост молчал, постукивая пальцами по столу. Бледнокожий… Это могло означать многое. Например – что дон Луиджи Маскарпоне, глава иммигранской мафии, имеет в деле свой интерес. Мафиозные кланы Амфитриты – и фрогские, и человеческие, порой проворачивали в Весёлых Топях свои делишки; но большие боссы всегда признавали власть «персон» над этим районом. Такое положение вещей устраивало обе стороны – до сих пор. Но ведь всё когда-нибудь меняется…

– В нашем маленьком дельце становится замешано неприлично много народу. А ведь я так хотел, чтобы всё было тихо и мирно… Маринад! Мне нужен этот бледнокожий, слышишь? Хочу с ним немного… Потолковать. Порасспросить о жизни, о друзьях, о планах на будущее…

Бандиты заухмылялись.

– Сделаем, – кивнул телохранитель.

– Что же касается наших новых приятелей… Я начинаю думать, что мы совершили ошибку. Не хочу делать поспешных выводов, но ты поглядывай по сторонам, Маринад, поглядывай! И если что…

Маринад снова кивнул, на этот раз молча.

– Возьмёшь мальчиков, – решил Крост. – Выберешь сам, кто потолковее. Только совсем уж меня с голой спиной не оставляй, хе-хе! Остальные – за работу. У нас ведь есть список злостных неплательщиков, а? Будьте с ними построже! Не то кое-кто начнет думать, что старина Бледный совсем потерял хватку…

***

Мне не раз доводилось терять сознание. Я знал, что такое нокаут; знал, как чувствует себя хвативший накануне лишку выпивоха – и на что похоже возвращение из туманного королевства галлюциногенных наркотиков. Нынешнее пробуждение несло в себе гнусные нотки от каждого из этих состояний. Голова раскалывалась, мускулы сводило судорогой,

тупо ныл переполненный мочевой пузырь; ко всему прочему, меня сотрясала крупная дрожь. С последним, впрочем, была некоторая ясность: по палубе вовсю молотил ливень, один из тех, которыми славится климат амфибийного королевства.

Палуба? Да, всё верно; это лёгкое покачивание ни с чем не спутаешь. Выходит, я на пиассе; похоже, именно дождь и заставил меня прийти в себя. Кругом – темень; а значит, я провалялся так по меньшей мере несколько часов… Что там руки и ноги? Я попытался шевельнуться. Ага, связаны, и связаны хорошо – я почти не чувствовал пальцев, ладони и ступни были словно ватные.

Облапошили, словно деревенщину в Весёлых Топях… Проклятый Роффл! Ладно, я и сам дал маху. Слыхал ведь про знаменитую «приправу душегубов», «разбойничью ягоду», которая и не ягода вовсе, а нарост на стволе одной болотной лианы… Ладно; теперь, по крайней мере, я эту дрянь попробовал, и уж впредь не ошибусь. Впредь? Ну-ну… Оптимизм – штука хорошая, особенно, если он оправдан.

Я попробовал шевельнуться, но это оказалось не так-то просто. Похоже, меня не только связали, но вдобавок ещё примотали к спине какой-то тяжеленный мешок. Шутники чертовы. Ничего, если вертеться энергичнее, получиться сдвинуть эту тяжесть с места…

«Мешок» вдруг слабо содрогнулся и застонал. Голос показался мне знакомым… Ага, так и есть. Старший сынок па-

паши Ориджаба понемногу возвращался к жизни. Готов поспорить, ему сейчас ещё хуже, чем мне – парень влил в себя не только полный стакан этой отравы, но ещё и солидную дозу дрянного алкоголя.

О том, чтобы развязаться, не могло быть и речи. Учитель Тыгуа посвятил как-то несколько занятий освобождению от пут. Я полагал, что неплохо усвоил эти уроки – но на сей раз потрудились настоящие профессионалы. Хотя… Волокна веревки, должно быть, разбухли от дождя, и если этот придурок Роффл придет, наконец, в себя, мы можем попытаться немного их растянуть…

Справа по борту замаячило слабое свечение. Я было решил, что мне почудилось; но нет – свет сделался сильнее, так что вскоре я мог различить тёмную линию фальшборта.

– Эй, на катафалке! Киньте кто-нибудь трап!

Голос говорившего был полон неуместного веселья. Больше всего мне не понравилось слово «катафалк». На что это он намекает?

– Трап ему… Держи конец; с тебя довольно будет. Слышь, Хага, где босс?

– Отлучился по делам. Пиасс сказал отогнать в Мертвячью протоку; там бросите якорь и дождетесь его.

«Мертвячья протока»… Происходящее нравилось мне всё меньше. Вновь прибывший тем временем поднялся на палубу. Я не видел, сколько их на пиассе; судя по голосам – трое или четверо. Может, конечно, и больше – наверняка

та самая компашка, что сидела за дальним столиком в таверне…

– Как всё прошло?

– Как конфетку у младенца отнять. Все семеро здесь. Девки, кстати, ничего – особенно одна. Я бы с ней позабавился, э? Всё равно пока делать нечего…

Семеро? Я немного воспрянул духом. Похоже, бандиты кой-кого не досчитались! Хорошо бы, Морфи и Гаса – если у мальчишек хватило смелости затаиться где-нибудь на пиассе, у нас был шанс.

– Аренду для босса зашли, и кувыркайся хоть всю ночь, Корабль теперь его, а значит, и всё, что на борту – тоже.

– Да брось, приятель! Что мы, не имеем права немного расслабиться!

– Имеешь – за свои денежки, – Хага был непреклонен: похоже, спешил отыграться за трап. – У тебя ведь нет проблем с дисциплиной, солдат? Если чего-то не ясно, обсуди это со своим капитаном – будь спок, он всегда доходчиво объясняет.

– Не дави, Хага, – вмешался новый голос. – Расклад мы все знаем. И к слову: как там насчет призовых?

– Пиасс придется вернуть владельцу. У него с нами давний контракт, и платит исправно, тут босс ясно выразился – так что без вариантов. С клиенами – как обычно.

– А девки?

– Если они и впрямь чего-то стоят, получите свою долю.

Я деловой парень, ты знаешь – деньги в болоте топить не буду… Давай, покажи товар лицом, хе-хе!

Голоса негодяев сделались приглушенными – тёплая компания спустилась в кубрик. В свете сказанного наши перспективы выглядели весьма печально – впрочем, я и раньше не питал особых иллюзий… Несомненно, мы угодили в лапы речной мафии. Правда, в отличие от фрогов Бледного, эти парни не будут растягивать удовольствие; мы для них просто работа, ничего личного. Слабоватое утешение… Проклятые Ориджаба; ну что им стоило выбрать любое другое судно! Некоторые знакомства обходятся слишком дорого.

Я принялся яростно извиваться, пытаясь ослабить верёвку. Результат был только один. Роффл, наконец, пришел в сознание – и тут же принялся бурно извергать на палубу содержимое желудка. Затопали шаги: тот, кто управлял кораблем, услышал сквозь шум дождя чудные звуки и решил узнать, в чём дело. Я удостоился пары весьма болезненных пинков – что было вдвойне несправедливо; после чего рулевой поспешил вниз, во весь голос зовя своих подельников.

– Тащи их сюда! – крикнули ему.

– Я вам что, портовый кран?! Давайте, поднимайте ваши задницы – я один не справлюсь!

Кончилось дело тем, что нас спихнули вниз, заставив пересчитать затылками все ступеньки; к счастью, их было не слишком много. При свете коптилки я смог, наконец, оценить обстановку.

Мафиози было четверо, не считая того, что правил судном. Крепкие фроги с физиономиями, не обезображенными печатью интеллекта. Семейство Ориджаба, в разнообразной степени побитое, валялось на полу. Морфи и Гаса связали таким же манером, как и нас с Роффлом; робкая надежда, что они избежали общей участи, тут же испарилась. Татти и Олури были третьей парочкой. Из носа Олури сочилась кровь: похоже, ей как следует врезали, чтобы утихомирить. Боевая девчонка… Папу примотали к стулу. Лекарства пьянчуги-доктора оказали целительное действие: глава семейства пришел в сознание, хотя, похоже, не слишком-то этому радовался. Негодяи расположились возле стола, коротая время игрой в карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.